

Институт мировой литературы
им. М. Горького Российской академии наук

М. М. БАХТИН

СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНИЙ

Т. 5

РАБОТЫ
1940-Х – НАЧАЛА 1960-Х ГОДОВ

Саранск, лето 1955 г.

МОСКВА
«РУССКИЕ СЛОВАРИ»
1997

Издание подготовлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Международного научного фонда

Редакторы тома:
С. Г. Бочаров, Л. А. Гоготшивили

Настоящее издание является первым научным собранием сочинений Михаила Михайловича Бахтина. В пятом томе собраны его работы 1940-х — начала 1960-х годов, самого малоизвестного читателям времени деятельности мыслителя. Многие из работ публикуются в настоящем томе впервые, но и те исследования, что уже печатались, даются в новых текстах и новой композиции, будучи заново подготовлены по рукописям, хранящимся в архиве автора. В целом том можно назвать целиком архивным. В материалах тома присутствуют главные темы творчества Бахтина — его философская антропология и философская лингвистика, философские основы гуманитарных наук, концепция текста, теория жанров речи, поэтика Достоевского и Рабле, а также Шекспира, Гоголя, Флобера, Маяковского, проблемы сентиментализма и сатиры. Том обстоятельно комментирован.

ISBN 5-89216-011-4 (т. 5)
ISBN 5-89216-010-6

- © С. Г. Бочаров, В. В. Кожин, 1997
- © С. Г. Бочаров, Л. А. Гоготшивили, Н. А. Паньков, И. Л. Попова, комментарии, 1997
- © Институт мировой литературы РАН, текстологическая и научная подготовка текстов, 1997
- © «Русские словари», оформление, оригинал-макет, редактирование, 1997

ОТ РЕДАКТОРОВ ТОМА

Настоящим томом начинается издание первого научного собрания сочинений Михаила Михайловича Бахтина.

На протяжении трех последних десятилетий происходила постепенная публикация творческого наследия мыслителя. Автор при жизни издал две свои знаменитые книги — о Достоевском (две редакции — 1929 г. и 1963 г.) и о Рабле (1965) и ряд статей. Другие теоретические и философские его труды публиковались уже посмертно; они в основном собраны в двух книгах — «Вопросы литературы и эстетики» (1975) и «Эстетика словесного творчества» (1979); ранняя философская работа «К философии поступка» увидела свет в 1986 г.; ряд небольших по объему текстов был напечатан в последние годы. В целом к настоящему времени большой этап первой публикации основного корпуса сочинений М. М. Бахтина можно в главном считать завершенным.

Вместе с тем, хотя в архиве автора не сохранилось еще не известных читателю крупных и законченных работ, он содержит обширный корпус неопубликованных материалов разного характера — как самостоятельных текстов на различные темы, так и подготовительных, рабочих или лабораторно-дневниковых, представляющих для воссоздания целостного бахтинского мыслительного контекста особый интерес. Кроме того, как в подобных случаях бывает, этап первой публикации оставил большую текстологическую проблему. Первые публикации архивных текстов по чрезвычайно трудным рукописям (какими и были многочисленные посмертные публикации Бахтина), как правило, не бывают совершенными. Осуществленные до сих пор издания трудов Бахтина надо признать во многих случаях несовершенными текстологически и недостаточно проработанными научно: лишь книгу «Эстетика словесного творчества» можно считать комментированным изданием, но и содержащийся в ней комментарий нельзя не признать, конечно, лишь предварительным.

Открывающееся настоящим томом собрание сочинений М. М. Бахтина должно быть научным. Это означает, во-первых, иное качество подготовки текстов: все тексты, как публикуемые впервые, так и уже печатавшиеся ранее, готовят-

се заново по сохранившимся в архиве автору рукописям (а для большей части его работ имеются архивные источники; случаи, когда опубликованные работы являются единственным источником текста, в его наследии немногочисленны: такова, например, книга «Проблемы творчества Достоевского» 1929 г.); таким образом, читатель должен *во всех случаях* получить *новые тексты* Бахтина, в том числе и уже известных работ. Вторых, в собрании предпринимается обширная публикация рукописных материалов, в том числе сопровождавших работу автора над известными трудами (в этом отношении настоящим является наиболее «архивным» — что стало одним из главных мотивов начала публикации издания с пятого тома; подробнее об этом см. ниже общую преамбулу к комментариям). И, наконец, в-третьих, все тексты обстоятельно комментируются, и комментарий этот имеет исследовательский характер. По замыслу авторского коллектива, работающего над собранием, последовательный текстологический и исследовательский комментарий ко всем публикуемым работам должен сложиться в целостную картину бахтинских идей.

В общем плане настоящего собрания сочинений сочетаются хронологический и проблемный принципы:

1 том. Философская эстетика 1920-х годов.

2 том. «Проблемы творчества Достоевского» (1929). Статьи о Толстом (1929). Приложение: Записи курса лекций по истории русской литературы (20-е гг.; записи Р. М. Миркиной).

3 том. Теория романа (1930-е годы).

4 том. Книга о Рабле и материалы к ней (1940-1970).

5 том. Работы 1940-х — начала 60-х годов.

6 том. «Проблемы поэтики Достоевского» (1963). Работы 60-70 годов.

7 том. Работы «круга Бахтина».

ВОПРОСЫ СТИЛИСТИКИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Грамматические формы¹ нельзя изучать без постоянного учета их стилистического значения. Грамматика, оторванная от смысловой и стилистической стороны речи, неизбежно вырождается в схоластику.

Это положение, в его общей формулировке, в настоящее время звучит уже как трюизм. Но с его конкретным применением в преподавательской практике дело обстоит далеко не благополучно. На практике преподаватель очень редко дает и умеет давать стилистическое освещение изучаемых грамматических форм. Стилистикой он еще занимается иногда на уроках литературного чтения (весьма, кстати сказать, мало и поверхностно), а на уроках русского языка — чистой грамматикой².

Беда в том, что в нашей методической литературе совершенно отсутствует сколько-нибудь систематическая разработка стилистики отдельных грамматических форм*. Даже вопрос в этом разрезе в нашей литературе почти никогда не ставился и не ставится**. Чтобы уяснить себе стилистическое значение какой-нибудь грамматической формы, например, видов глагола, причастия, деепричастия, преподавателю приходится обращаться к таким трудно доступным книгам, как «Из записок по русской грамматике» А. А. Потебни³. Да и там он найдет, хотя и очень глубокий, но далеко не всегда пригодный для его практических нужд ответ на свои вопросы. Систематического же

---

* Старая попытка В. Чернышева построить такую стилистику неудачна и почти ничего не может дать нашему преподавателю. См.: Чернышев В. «Правильность и чистота русской речи (опыт русской стилистической грамматики)». СПб., 1914-1915³.

** Стилистическая грамматика (и ее основа: лингвистическая стилистика) лучше всего разработана во Франции. Научные основы ее были заложены в трудах школы Фердинанда де Соссюра (Байи, Сешей, Тибоды и др.)⁴. Имеются прекрасно разработанные пособия для школьной практики⁵. В Германии этими вопросами занималась школа Фосслера (Лео Шпитцер, Лорк, Лерх и др.)⁶.

освещения вопросов стилистической грамматики он, повторы, вообще нигде не найдет.

Нечего и говорить, что учебники С. Г. Бархударова и изданные под его редакцией методические разработки к ним никакой помощи преподавателю в этом деле не оказали.

Каждая грамматическая форма является одновременно и средством изображения⁹. Поэтому каждую такую форму можно и должно осветить с точки зрения заложенных в ней изобразительных и выразительных возможностей, т. е. осветить и оценить стилистически. При изучении же некоторых разделов синтаксиса — притом очень важных — такое стилистическое освещение является совершенно необходимым. Это прежде всего имеет место при изучении параллельных и заменяющих синтаксических форм, т. е. там, где говорящий и пишущий имеет возможность выбора между двумя или несколькими грамматически равноправными синтаксическими формами¹⁰. Выбор в этих случаях определяется уже не грамматическими, а чисто¹¹ стилистическими соображениями, т. е. изобразительной и выразительной эффективностью данных форм. Без стилистических объяснений, следовательно, здесь уже никак нельзя обойтись.

Ученик, например, узнает, при каких условиях определительное придаточное предложение может быть заменено причастным оборотом и когда такая замена невозможна, знакомится он и с грамматической техникой этой замены. Но ни учителя, ни учебник ничего не говорят ученику о том, когда и для чего эта замена производится. Невольно возникает вопрос: для чего ему уметь производить замену, если он не понимает цели такой замены? Ясно, что узко-грамматическая точка зрения в этих случаях совершенно недостаточна¹². Два предложения —

Новость, которую я сегодня услышал, меня очень заинтересовала.

Новость, услышанная мной сегодня, меня очень заинтересовала.

— грамматически одинаково правильны. Грамматика разрешает обе формы. Но когда мы должны предпочесть одну, а когда другую форму? Чтобы на этот вопрос отве-

* А некоторые синтаксические упражнения в его учебнике прямо дезориентируют в этом вопросе преподавателя⁸.

тить, надо понимать их стилистические плюсы и минусы, т. е. стилистическую специфику каждой из этих форм. Учитель должен показать ученикам в возможно более доступной для них форме, что мы теряем и что мы приобретаем, избирая то или иное из этих предложений. Он должен объяснить им, что, производя замену придаточного предложения причастным оборотом, мы ослабляем глагольность этого предложения, подчеркиваем побочность действия, выраженного глаголом «услышал», а вместе с тем ослабляется и значение обстоятельного слова «сегодня»; но, с другой стороны, при замене происходит концентрация мысли и акцента на главном «герое» этого предложения, на слове «новость», одновременно с этим достигается и большая сжатость выражения.

В первом предложении два действующих лица, как бы два героя: «новость» и «я», причем одни слова группируются вокруг «новости» («очень», «заинтересовала», «меня»), другие — вокруг «я» («услышал», «сегодня»); во втором предложении второй герой («я») сходит со сцены, и все слова группируются теперь вокруг единственного героя «новость» (вместо «я услышал» мы говорим теперь «новость услышанная»). В связи с этим меняется и смысловой удельный вес отдельных слов, составляющих данное предложение. Чтобы заставить учеников самим разобраться¹³ в этом деле, полезно поставить им такой вопрос: можно ли произвести замену, если говорящему важно подчеркнуть¹⁴, что именно сегодня он услышал новость? Ученикам сразу станет ясно, как понижается удельный вес этого слова при замене. Ученикам следует далее показать, что глагольность предложения и удельный вес обстоятельных слов можно еще более ослабить, поставив причастный оборот перед определяемым словом:

Услышанная мною сегодня новость очень меня заинтересовала.

Путем правильного интонирования этого предложения покажем ученикам, что слова «услышанная мною сегодня» произносятся в более быстром темпе и почти вовсе лишены акцента. Смысловая значимость этих слов резко понижается: наша интонация как бы небрежно пробегает мимо них, торопясь к слову «новость» без остановки в пути, без паузы. Учениками уясняется стилистический смысл постановки причастного оборота перед определяемым словом,

который был для них совершенно заслонен формально-грамматическим вопросом о запятых. Кстати, и этот последний вопрос предстанет для них в новом свете.

Сказанным стилистическое освещение наших предложений, конечно, далеко еще не исчерпывается. Но для наших целей этого достаточно. Нам важно было лишь показать на этом примере совершенную необходимость стилистического освещения всех подобных синтаксических форм¹⁵. К сожалению, наши преподаватели весьма часто плохо умеют давать такие освещения. На вопросы учеников о том, когда и для чего следует производить замену (а подобные вопросы задаются часто и настойчиво), преподаватель обычно ограничивается ответом, что следует избегать частого повторения слова «который»¹⁶, что следует руководиться¹⁷ соображениями благозвучия. Подобные ответы недостаточны, а в сущности и неверны.

Стилистическое освещение совершенно обязательно при прохождении всех вопросов синтаксиса сложного предложения¹⁸, т. е. всего курса VIII^{го} класса¹⁹. Узко-грамматическое изучение этих вопросов приводит к тому, что ученики в лучшем случае научаются только неплохо разбирать готовое предложение в готовом чужом тексте, научаются еще правильно употреблять знаки препинания в диктантах, но их собственная устная и письменная речь почти не обогащается новыми оборотами: многими знакомыми им по грамматике формами они вовсе не пользуются, при пользовании же другими проявляют полную стилистическую беспомощность.

Прохождение синтаксиса без стилистического освещения, не обогащая речи учеников, лишено всякого творческого значения, не помогает им творить собственную речь, оно научает их только разбираться в уже созданной чужой готовой речи. А ведь это уже схоластика. В настоящей работе мы намерены остановиться на более подробном стилистическом освещении только одной формы — формы бессоюзного сложноподчиненного предложения. В деле воспитания творческой речи учеников правильное и глубокое изучение этой формы имеет, по нашему убеждению, исключительно плодотворное значение. Между тем вопрос этот не был освещен в нашей литературе. В трудах Потебни, Шахматова, Пешковского рассеяно, правда, немало ценных наблюдений над различными видами бес-

союзного подчинения, но наблюдения эти <не> систематизированы и далеко не полны в стилистическом отношении²⁰. Вопрос этот интересует нас здесь, конечно, прежде всего в плане методики.

На примере стилистического анализа этого частного грамматического вопроса мы надеемся лучше уяснить наше общее положение о роли стилистики на уроках русского языка²¹.

Бессоюзное сложноподчиненное предложение (во всех его разновидностях) в самостоятельной письменной речи учеников старших классов (VIII, IX, X) встречается крайне редко. Это известно по опыту каждому преподавателю. Мною были специально просмотрены все домашние и классные сочинения учеников двух параллельных отделений VIII класса за первое полугодие, всего около трехсот сочинений. И вот во всех этих сочинениях обнаружилось всего только три случая употребления бессоюзного сложноподчиненного предложения (кроме цитат, конечно)! С той же целью мною было просмотрено около восьмидесяти сочинений учеников X класса за тот же период. В них обнаружилось всего семь случаев употребления этих форм²². Беседы с преподавателями других школ подтвердили мои наблюдения. В начале второго полугодия я устроил в VIII и X классах специальные диктанты на бессоюзное сложноподчиненное предложение. Результаты диктантов были вполне удовлетворительными: пунктуационных ошибок в бессоюзном сложноподчиненном предложении оказалось очень мало.

Диктанты и последующие беседы с учениками убедили меня в том, что, встречаясь с бессоюзным сложноподчиненным предложением в чужом готовом тексте, ученики неплохо в нем разбирались, помнили правила и почти не ошибались в постановке знаков препинания. Но в то же время они совершенно не умели пользоваться этой формой в собственной письменной речи, не умели работать с ней творчески. Это явилось результатом того, что в VII классе стилистическое значение этой замечательной формы не было надлежащим образом освещено. Ученики не узнали ей цену. Надо было ее перед ними раскрыть. Путем тщательного стилистического анализа особенностей и достоинств этой формы нужно было привить ученикам вкус к

ней, заставить их полюбить бессоюзное сложноподчиненное предложение как замечательнейшее средство речевой выразительности. Но как это сделать?

Вот как, по моим наблюдениям и опыту, следует строить эту работу. В основу ее положим подробный анализ следующих трех предложений:

- 1) Печален я: со мною друга нет (Пушкин).
- 2) Он засмеется — все хохочут (Пушкин).
- 3) Проснулся: пять станций убежало назад (Гоголь)²³.

Приступая к анализу первого предложения, прежде всего прочитываем его с максимальной выразительностью, даже несколько утрируем его интонационную структуру, а с помощью мимики и жеста усиливаем заложенный в этом предложении элемент драматизма: очень важно заставить учеников услышать и оценить те моменты выразительности (прежде всего — эмоциональной), которые исчезнут при превращении бессоюзной конструкции в обыкновенное союзное подчинение; пусть они почувствуют ведущую роль интонации в предложениях этого типа; пусть они ощутят и увидят, с какой внутренней необходимостью при произнесении пушкинской строки интонация сочетается с мимикой и жестом. После того как предложение услышано учениками, доведено до их непосредственного художественного восприятия, можно приступить к анализу тех средств, какими достигается его художественный эффект, его выразительность. Анализ этот следует строить в таком порядке:

1) Превращаем анализируемое предложение в обычное сложноподчиненное предложение с союзом «так как». Пробуем сначала ввести союз механически, не меняя предложения:

Печален я, так как со мною друга нет.

Путем обсуждения с учениками приходим к выводу, что в таком виде предложение это оставить нельзя; при наличии союза инверсия, употребленная Пушкиным, становится неуместной и необходимо восстановить обычный прямой «логический» порядок слов:

Я печален, так как со мною нет друга.

Или:

Я печален, потому что со мною нет друга.

Оба предложения и грамматически и стилистически совершенно правильны. Ученики попутно убедились, что пропуск или восстановление союза не есть простое механическое дело²⁴: им определяется порядок слов в предложении, а следовательно и распределение акцентов между словами.

2) Ставим перед учениками вопрос: чем отличается построенное нами союзное предложение от бессоюзного пушкинского? Без труда добиваемся от них ответа, что в нашей переделке утрачена эмоциональная выразительность пушкинского предложения, что в переделанном виде оно стало холоднее, суше, логичнее.

Убеждаемся, далее, вместе с учениками, что совершенно исчез драматический элемент предложения: та интонация, мимика и жест, с помощью которых мы как бы разыгрывали эту внутреннюю драматичность при исполнении пушкинского текста, при чтении нашей переделки становятся явно неуместными. Предложение, по словам учеников, стало более книжным, немым, для чтения глазами: оно уже не просится больше на живой голос. В общем, как убеждаются ученики, мы очень многое потеряли с точки зрения выразительности, заменив бессоюзную конструкцию союзной.

3) Начинаем последовательное выяснение причин утраты выразительности в измененном предложении. Прежде всего останавливаемся на анализе подчинительных союзов «так как» и «потому что». Обращаем внимание учеников на некоторую громоздкость и неблагозвучие этих союзов. Показываем на примерах, как портится речь при обилии в ней таких громоздких слов, какой книжный, сухой и неблагозвучный характер приобретает она при частом употреблении этих союзов. Поэтому художники слова всегда стремились свести их употребление к минимуму. Рассказываем ученикам, как на протяжении всего XIX века и даже еще в XX веке (у таких архаизирующих поэтов, как Вяч. Иванов) продолжали жить (особенно в стихотворной речи) архаические церковнославянские союзы «ибо» и «зане», продолжали жить именно потому, что были короче и благозвучнее громоздких «так как» и «потому что». Рассказ этот иллюстрируем примерами.

Затем переходим к особенностям семантики подчинительных союзов, объясняем ученикам, что такие служебные слова, как подчинительные союзы, обозначающие чисто логические отношения между предложениями, совершенно лишены наглядного, образного элемента: ведь их значение никак нельзя себе представить в наглядно-образной форме; поэтому они никогда не могут получить в нашей речи метафорическое значение, их нельзя употреблять в иронической форме, на них не может опереться эмоциональная интонация (попросту говоря, их нельзя произносить с чувством), они совершенно лишены, следовательно, той богатой и разнообразной жизни, какой живут в нашей речи слова с вещественным, образным значением. Эти чисто логические союзы, конечно, совершенно необходимы в нашей речи, но это — холодные, бездушные слова²⁵.

4) После анализа подчинительных союзов переходим к вопросу об их влиянии на весь окружающий контекст. Прежде всего поясняем ученикам стилистическое значение порядка слов в предложении (точнее, освежаем этот вопрос в их памяти, потому что они уже должны его знать). Показываем (на примерах) особое интонационное значение первого слова в предложении (после паузы). Короткий союз, стоящий в начале предложения, не занимает особого интонационного места, но сложные союзы «так как» и «потому что» непроизводительно заполняют это первое место (будучи сами безакцентными) и этим ослабляют всю интонационную структуру предложения. Далее, семантическая природа этих союзов, их специфическая холодность оказывают влияние на весь порядок слов в предложении: эмоциональная инверсия становится невозможной. Сравнивая пушкинское предложение с нашей переделкой, показываем ученикам, как снизился, вследствие перемещения, интонационный вес слова «печален» в первой части сложного предложения и слова «со мною» — во второй, как резко ослабляется эмоциональная окраска слова «нет».

5) Приводим учащихся к самостоятельной формулировке выводов из нашего анализа. Вот эти выводы. В результате замены бессоюзного пушкинского предложения союзным произошли следующие стилистические изменения:

а) логическое отношение между простыми предложениями, обнажившись и выдвинувшись на первый

план, ослабило эмоциональное и драматическое отношение между печалью поэта и отсутствием друга;

б) резко сократилась интонационная нагрузка как на каждое отдельное слово, так и на все предложение: роль интонации заменил теперь бездушный логический союз; слов в предложении стало больше, но простора для интонации стало гораздо меньше;

с) драматизация слова мимикой и жестом стала невозможной;

д) снизилась образность речи;

е) предложение как бы перешло в немой регистр, стало более приспособленным для чтения его глазами, чем для выразительного чтения вслух;

ф) предложение утратило свою сжатость и стало менее благозвучным²⁶.

Анализ второго пушкинского предложения можно провести, опираясь на все сказанное, гораздо короче. Нужно сосредоточить внимание учеников только на том новом, что есть во втором предложении. Прежде всего напоминаем ученикам, что здесь имеет место уже иное логическое отношение между простыми предложениями: это находит свое выражение и в другом знаке препинания²⁷. Затем переходим к замене данной бессоюзной конструкции союзной. Здесь мы сразу встречаемся с трудностями. Предложение «Когда он засмеется, то все хохочут» совершенно не удовлетворяет учеников. Все чувствуют, что утрачивается какой-то очень существенный оттенок смысла. Начинаем выяснять. Одни предлагают формулировку: «Всякий раз, когда он засмеется, хохочут все», другие — «Только тогда, когда он засмеется, осмеливаются и все хохотать», третьи — «Достаточно ему засмеяться, как все начинают угодливо хохотать». Последнее предложение все находят наиболее адекватным по смыслу, хотя оно и слишком свободно перефразирует пушкинский текст. В результате обсуждения с учениками мы приходим к выводу, что и слова «всякий раз», и «только тогда, когда», и «достаточно..., как» и даже слова «осмеливаются» и «угодливо» передают различные оттенки смысла пушкинского предложения и в этом отношении нужны, но и все они вместе взятые не исчерпывают всей полноты этого смысла, настолько он неотделим от формы его словесного выражения.

Прежде чем перейти к дальнейшему анализу, полезно ознакомить учеников с семантическими особенностями союзных слов, которые появляются при замене данного типа предложения. Союзные слова, в отличие от союзов, не лишены образного элемента, но эта образность их сильно ослаблена и потому лишена метафорической силы; допускают они также и некоторую (очень слабую) эмоциональную окраску. Наличие союзных слов в предложении (особенно громоздких) логизирует его структуру, хотя и не в такой степени, как наличие сложных подчинительных союзов.

В дальнейшем анализе мы выдвигаем следующие моменты.

1) Для второго пушкинского предложения характерна драматичность, но не эмоциональная, как в первом, а динамическая. Действие как на сцене разворачивается перед нашими глазами; второе простое предложение («все хохочут») буквально откликается на первое («Он засмеется»). Перед нами не рассказ о действии, а как бы само действие. Эта динамическая драматичность достигается прежде всего строгим параллелизмом в построении обоих предложений: «он» — «все», «засмеется» — «хохочут»; второе предложение является как бы зеркальным отражением первого, как и хохот гостей является действительным отражением онегинского смеха. Построение речи драматически воспроизводит, таким образом, то событие, о котором эта речь рассказывает²⁸. Обращаем внимание учеников и на форму будущего времени глагола в первом предложении («засмеется»): она усиливает драматичность действия и в то же время выражает его многократность (передаваемую при союзном подчинении с помощью «всякий раз как»).

2) Обращаем внимание учеников на исключительную лаконичность пушкинского предложения: два простых нераспространенных предложения, всего четыре слова, а с какою полнотою оно раскрывает роль Онегина в этом собрании чудовищ, его подавляющую авторитетность! Отмечаем также, что выбором для Онегина слова «смеется», а для чудовищ — «хохочут» ярко показано, как они грубо и подхалимски утрируют действия своего повелителя.

3) Приводим учащихся к заключительному выводу из нашего анализа: пушкинское бессоюзное предложение не

рассказывает о событии, а драматически разыгрывает его перед нами самой формой своего построения. Когда мы пытаемся передать его смысл с помощью союзной формы подчинения, то мы от показа переходим к рассказу, а потому, сколько бы мы ни вводили дополнительных слов, мы никогда не передадим всей конкретной полноты показанного²⁹. Логизируя путем ввода союзных слов отношение между простыми предложениями, мы разрушаем наглядную и живую динамическую драматичность пушкинского предложения³⁰.

Разобрать третий пример после всего сказанного уже совсем легко. Уже знакомый нам динамический драматизм у Гоголя выражен еще более резко, хотя и несколько по-иному. Необходимо при чтении гоголевского текста несколько преувеличенно передать интонацию приятного изумления проснувшегося путника. Пауза между простыми предложениями (отмеченная тире³¹) полна здесь напряженным ожиданием какого-то сюрприза — это нужно выразить при исполнении с помощью интонации, мимики и жеста, а затем с веселым изумлением подать второе предложение с особым ударением на слове «пять» (целых пять!). Мимика и жест при исполнении этого предложения сами просятся — их не удержишь! Мы видим перед собой этого путника, протирающего заспанные глаза и с приятным изумлением узнающего, что, пока он спал, он проехал уже пять станций. Когда мы делаем попытку передать это с помощью союзного подчинения, мы сбиваемся на многословный рассказ, но все же так и не можем передать всей полноты показанного, драматически разыгранного перед нашими глазами. После обсуждения с учениками мы останавливаемся на следующей замене: «Когда я проснулся, то оказалось, что уже пять станций убежало назад».

Когда это предложение сформулировано и записано на доске, я обращаю внимание учеников на смелое метафорическое выражение, почти олицетворение, употребленное Гоголем: «пять станций убежало назад». Ведь не станции убежали назад, а путник ехал вперед (хотя именно таково непосредственное впечатление едущего). Ставим перед учениками вопрос, хорошо ли звучит это выражение в нашей переделке гоголевского предложения (у Гоголя-то оно звучало отлично), уместно ли оно в обстановке союз-

ного подчинения. Ученики соглашались со мной, что выражение это несколько нарушает логический стиль нашего предложения и что его следует заменить более трезвым и рациональным, но менее образным и динамическим выражением: «я проехал уже пять станций». В результате перделок получилось вполне корректное, но сухое и бледное предложение: от гоголевской динамической драматичности, от стремительного и смелого гоголевского жеста ровно ничего не осталось.

На основе разобранных примеров, привлекая и дополнительный материал, разъясняем ученикам, что в холодной атмосфере, создаваемой подчинительными союзами и союзными словами, увядают и блекнут все яркие метафорические выражения, образы и сравнения, что в обстановке трезвого союзного подчинения излюбленные Гоголем гиперболы, сравнения и метафоры, иной раз и прямые алогизмы, были бы совершенно невозможны³². Далее мы несколько расширяем эти положения и показываем на примерах, как в условиях сложноподчиненного предложения с союзами (особенно в причинном) происходит строгий лексический отбор: устраняются слова с сильной эмоциональной окраской, слишком смелые метафоры, а также и слова недостаточно «литературные» (в более узком понимании этого слова), простонародные, связанные с грубым бытом, специфические выражения разговорного языка. Сложноподчиненное предложение с союзами тяготеет к литературно-книжному стилю и чуждается разговорной живости и непринужденности бытовой речи³³.

Здесь можно в доступной форме рассказать ученикам о значении синтаксических форм бессоюзного подчинения в истории русского литературного языка, показать им, как сложные гипотаксические³⁴ периоды XVIII в., холодные и риторические, тормозили сближение литературно-книжного языка с живым разговорным; показать, что борьба архаической книжной и живой разговорной стихии в литературном языке была неразрывно связана с борьбой сложных (периодических) конструкций с простыми — в основном бессоюзными — формами разговорного синтаксиса³⁵. Хорошо проиллюстрировать эти положения примерами разговорного синтаксиса из басен Крылова (чрезвычайно, кстати, динамического), полезно сопоставить стиль Карамзина в сложных гипотаксических периодах его «Истории госу-

дарства Российского» со стилем его сентиментальных повестей.

Подобные исторические экскурсы можно делать не только в VIII классе, но и в VII при хорошем составе класса.

Закончив анализ избранных нами трех предложений из произведений классиков, следует показать ученикам, как обычны формы бессоюзного подчинения в нашей обиходной речи. Следует проанализировать такое, например, предложение: «Я очень устал: слишком много у меня работы». Сопоставив его с предложением: «Я очень устал, так как у меня слишком много работы», следует показать, как понижается во втором случае живость и выразительность речи. Раскрыв громадное значение в нашей речи форм бессоюзного подчинения, показав их преимущества перед соответствующими союзными формами³⁶, следует, однако, указать ученикам на законность и необходимость существования в языке и этих последних форм; нужно показать не только очень важное значение союзного подчинения в практической и научной речи, но и невозможность обойтись без него в художественной литературе. Ученики должны понимать, что формы бессоюзного подчинения применимы далеко не всегда.

Затем вместе с учениками подводятся итоги всей проделанной стилистической работы. При этом преподаватель проверяет, в какой мере достигнута им цель работы: удалось ли ему привить ученикам вкус и любовь к бессоюзному подчинению, сумели ли ученики по-настоящему оценить выразительность и живость этих форм. Если эта цель достигнута, то преподавателю остается только руководить практикой учеников по внедрению этих форм в их устную и письменную речь.

Эта практика проводилась мною так. Прежде всего мы проделали ряд специальных упражнений, в которых на заданные темы мы строили разнообразные варианты союзных и бессоюзных сложноподчиненных предложений, тщательно взвешивая стилистическую уместность и целесообразность той или иной формы. Затем при проверке домашних и классных работ я обращал особое внимание на все случаи, где целесообразна была замена союзной формы подчинения бессоюзной, и производил в тетрадях соответствующую стилистическую переработку³⁷. При раз-

боре работ в классе все эти предложения зачитывались и обсуждались, причем «авторы» иногда и не соглашались с моей редакцией, возникали оживленные и интересные споры. Были, конечно, и случаи, когда некоторые ученики слишком увлекались бессюжными формами и употребляли их не всегда уместно.

Результаты всей этой работы были в общем вполне удовлетворительны. Синтаксический строй речи учеников значительно улучшился. В двухстах сочинениях VIII класса за второе полугодие оказалось уже более семидесяти случаев употребления бессюжных сложноподчиненных предложений. В X классе результаты были еще лучше: почти в каждом сочинении встречалось по два-три таких предложения. Изменение синтаксического строя привело и к общему улучшению стиля учеников: стиль стал живее, образнее, эмоциональнее, а главное — в нем стало раскрываться индивидуальное лицо пишущего, зазвучала его живая индивидуальная интонация. Стилистические уроки не пропадали даром.

Следует, в заключение, отметить, что стилистические анализы, даже самые тонкие и филигранные, вполне доступны и очень нравятся ученикам, если только они проводятся живо и если сами ребята включены в активную работу. Насколько скучны узко-грамматические разборы, настолько увлекательны стилистические анализы и упражнения. Более того, эти анализы, правильно поставленные, осмысливают для учеников грамматику: сухие грамматические формы, освещенные их стилистическим значением, по-новому оживают для учеников, становятся им и понятнее и интереснее³⁸.

Преподаватели русского языка знают из опыта, что письменная речь учеников претерпевает обычно очень существенный перелом. В младших классах между письменной и устной речью детей нет резкого разрыва. Сочинений на литературные темы и рассуждений они еще не пишут, а в своих творческих работах описательного и повествовательного характера они ведут себя в смысле языка довольно непринужденно; поэтому язык в этих работах, хотя частенько и корявый, но живой, образный и эмоциональный; синтаксис у детей близок к разговорному; о правильности конструкций они еще не очень заботятся, поэтому

строят довольно смелые предложения, иной раз весьма выразительные. Никакого лексического отбора они еще не знают, поэтому лексика у них пестрая, бесстильная, но также выразительная и смелая. В этом детском языке, хотя и неуклюже, проявляется индивидуальность пишущего; язык еще не обезличен.

Затем наступает перелом. Начинается он обычно к концу VII класса, но своего апогея достигает в VIII и IX классах. Ученики начинают писать сугубо литературно-книжным языком. Образцом для них становится штампованный язык учебников по литературе: ведь, в сущности, к простым пересказам учебников сводятся их первые сочинения по литературе³⁹. Но под их неопытным пером язык учебников становится еще более штампованным и безличным. Ученики начинают бояться всякого оригинального выражения, всякого оборота, непохожего ни на один из знакомых им книжных штампов. Пишут они для глаза и не проверяют написанного голосом, интонацией, жестом. Язык их, правда, становится формально правильнее, но он безличен, бесцветен и тускл. Книжность этого языка, несходство его с живой и непринужденной устной речью представляется ученикам чем-то положительным.

Вот здесь-то и необходима серьезная работа преподавателя⁴⁰. Надо добиться нового перелома в письменной речи учеников; надо снова сблизить ее с живой и выразительной устной речью, с языком живой жизни. Но это сближение должно произойти на более высоком уровне культурного развития: нужна не детская, наивная непринужденность речи, но мужественная уверенность и смелость воспитанного на классических образцах языка.

Правильная постановка работы в VII классе имеет для всего этого дела решающее значение. Синтаксис сложного предложения должен с начала и до конца освещаться стилистическим анализом⁴¹. Это даст ученикам хорошую предохранительную прививку против предстоящей им детской болезни — сугубой книжности их письменного языка. Эту болезнь они перенесут гораздо легче и избавятся от нее скорее⁴².

Стилистическую работу нужно неослабно продолжать и в VIII классе. В IX классе надо добиться полного перелома, надо вывести учеников из тупика книжности на дорогу грамотного, культурного и вместе с тем живого, смелого и

творческого языка жизни. Обезличенный, отвлеченно-книжный язык — тем более наивно щеголяющий своей сугубой книжностью — признак полуобразования. Полная культурная зрелость человека говорит не на таком языке⁴³.

Но ведь язык оказывает могучее влияние на мышление говорящего. В формах обезличенного, штампованного, безобразного, отвлеченно-книжного языка не может развиваться мысль творческая, оригинальная, исследовательская, не отрывающаяся от богатства и сложности жизни⁴⁴. С каким языком юноша выйдет из стен средней школы — от этого в значительной мере зависит дальнейшая судьба его творческих способностей. А за это отвечает преподаватель.

Успешное разрешение задачи — приобщить ученика живому творческому языку народа — требует, конечно, многих и разнообразных форм и приемов работы. Среди этих форм немаловажное место занимает и охарактеризованная нами работа над бессоюзным подчинением. В деле борьбы с обезличенным книжным языком эти бессоюзные предложения сильное оружие: в них, как мы видели, свободнее всего проявляется индивидуальное лицо говорящего, отчетливее всего звучит его живая интонация. Как только удастся внедрить эти предложения в письменную речь учеников, они начинают влиять и на другие формы этой речи, на весь стиль ее, вокруг этих форм начинается процесс разрушения обезличенных книжных речевых штампов, повсюду начинает пробиваться индивидуальная интонация пишущего. И преподавателю остается путем гибкого и осторожного руководства помогать этому процессу рождения языковой индивидуальности ученика.

КОММЕНТАРИИ

В настоящем, 5-м томе Собрания сочинений М. М. Бахтина собраны его работы 1940-х — начала 60-х годов. Ни одна из них (за исключением небольшой газетной статьи 1954 г.) не была опубликована при жизни автором. Это и понятно: почти все эти тексты автор рассматривал как рабочие, черновые, лабораторные и не предназначал их к печати. Около половины из них были опубликованы посмертно, два текста печатались лишь фрагментарно. 12 текстов публикуются в настоящем томе впервые.

В творческой биографии М. М. Бахтина 40-50-е годы — самый глухой период. Автор живет незаметно в провинции, работая школьным учителем в Савелове (Кимрах) — до осени 1945 — и затем преподавателем пединститута (позднее университета) в Саранске, ничего за это время (кроме нескольких выступлений местного значения в мордовской прессе) не печатая. Последние неудачные попытки выйти в печать относятся к предвоенным годам: оставшаяся неизданной и несохранившаяся книга о романе воспитания для издательства «Советский писатель» и статья «Сатира» для невышедшего 10 тома «Литературной энциклопедии», также несохранившаяся (в настоящем томе публикуется ее сохранившийся неполный черновой вариант). Известные надежды связываются с законченной в 1940 г. большой работой о Рабле, которую автор в 1946 г. защищает в качестве диссертации в ИМЛИ, но хлопоты об ее издании также обречены на неудачу (см. ниже комментарий к «Дополнениям и изменениям к «Рабле»»). В целом Бахтин в эти годы находится в состоянии почти что научного и литературного небытия. Ситуация резко меняется, вместе с общим историческим поворотом, в начале 60-х гг. (см. комм. к тексту «1961 год. Заметки»). 1963 — год выхода «Проблем поэтики Достоевского» — и является верхней хронологической границей настоящего тома. Материалы, относящиеся к переработке книги о Достоевском, заключают его.

В состав тома входят творческие тексты М. Бахтина за 1940-1962 гг., сохранившиеся в его архиве. Они дают картину работы автора в эти глухие десятилетия, которая продолжалась, по экзистенциалистской формуле, «без надежды на успех». Новых законченных трудов за это время он, строго говоря, не написал (кроме, может быть, «Проблемы речевых жанров» и «Проблемы текста», да и эти работы тоже — предварительные и незавершенные). Но мысль его работала в «неофициальных» формах как бы научного и философского дневника, листами из которого выглядит большая часть составивших этот том материалов. Автор продумывает далее свои прежние темы и открывает новые. Можно выделить в текстах этого периода несколько главных направлений мысли: 1) собственно философская рефлексия вокруг основных проблем бахтинской антропологии и эстетики («я» и «другой», личность и вещь, слово и вещь, «вопросы самосознания и самооценки»); в текстах периода намечается их новый синтез, определяемый как «философские основы гуманитарных наук» (см. комм. к этому тексту); 2) продолжается разработка «раблезианской» проблематики и ее внедрение в бахтинскую картину истории культуры и литературы; 3) на протяжении всего периода уясняются новые подходы к творчеству Достоевского, давшие в результате книгу 1963 г.; 4) автор заново обращается к философско-лингвистической проблематике, открытой еще в 20-е годы, разрабатывая теорию речевых жанров и обосновывая понятие металингвистики. Эти направления мысли сложно переплетаются между собой, образуя разветвлен-

ный философско-филологический контекст, который и отличает мысль Бахтина и представление о котором лучше всего могут дать именно подобные неофициальные, лабораторные тексты. Теоретическая проблематика идет в них рука об руку с поэтикой важнейших для автора мировых писателей, прежде всего Достоевского и Рабле, а также Шекспира и Гоголя; в текстах этого периода открываются и такие достаточно неожиданные для читателей Бахтина персональные фокусы его теоретического внимания в литературе, как Флобер и даже Маяковский, а также, скажем, такой не подвергшийся исследованию, но значительно упоминаемый автор, как Джойс (см. «О Флобере» и комм. к этому тексту).

В целом можно предлагаемый том назвать целиком архивным. За единственным исключением уже упомянутой (и в известном смысле дежурной) газетной статьи 1954 г., все составляющие том материалы печатаются по рукописям в архиве. Это относится как к текстам, публикуемым впервые, так равно образом и к уже публиковавшимся: в этих последних исправляются немалочисленные неточности и ошибки первоначальных публикаций, восстанавливаются непрочитанные ранее слова. Два текста, публиковавшиеся фрагментарно, печатаются впервые полностью: «К философским основам гуманитарных наук» и «К вопросам теории романа. К вопросам теории смеха. (О Маяковском)». На втором из них надо остановиться специально, поскольку с ним связана принципиальная проблема публикации бахтинских текстов в настоящем издании.

Публикация этого текста — это, в сущности, публикация тетради, в которой он записан автором. Текст, как показывает его составное заглавие (частично авторское, частично редакторское), состоит из трех достаточно автономных звеньев, образующих в то же время связанный переходящий из звена в звено проблематикой общий *теоретический контекст*, который редакторы и комментатор предпочли сохранить, не разбивая его в публикации на три отдельных текста.

Другой случай, когда мы пошли по пути публикации тетрадей, меняя создавшееся по прежним публикациям представление о бахтинских текстах, но восстанавливая их авторскую композицию, связан с такими известными читателям работами, как «Проблема текста» и «К переработке книги о Достоевском». Обе они в настоящем томе печатаются в новой, существенно отличающейся от прежних публикаций, композиции (см. комм. к тексту «1961 год. Заметки»).

В данных случаях публикация тетрадей оправдана цельностью их состава. В других случаях, когда тетрадь заполнена пестрым материалом и находящиеся в ней тексты тематически и проблемно разграничены автором, они, конечно, печатаются как самостоятельные работы (например, «Слово о полку Игореве в истории эпопей» и «К истории типа (жанровой разновидности) романа Достоевского»).

Публикация бахтинских текстов на архивной основе — текстологический принцип настоящего Собрания сочинений. Предлагаемый 5-й том в составе Собрания отличается, как представляется, своей особой спецификой. Никакой другой том, вероятно, не будет архивным в такой степени. Можно, видимо, с уверенностью сказать, что многое из состава тома сам автор не стал бы печатать. Однако редакторы, текстологи и комментаторы тома приняли решение познать читателя с составом сохранившихся творческих текстов автора самого малоизвестного нам периода его работы. Нам открывается в материалах тома лаборатория мысли автора, продолжавшей работать и развиваться в чрезвычайно малоперспективных исторических и личных обстоятельствах. Принимая во внимание особый характер этого тома, рабочий коллектив Собрания и постарался подготовить его к изданию прежде всего и раньше других томов, вне порядковой очереди.

Из материалов тома единственная работа печатается с купюрами, произведенными публикаторами согласно распоряжению, полученному от автора: см. комм. к «Проблеме речевых жанров» и к архивным материалам, относящимся к этой работе.

В принципы издания входит публикация рукописных материалов, сопровождавших работу автора над известными трудами. В настоящем томе такие материалы печатаются или в составе комментариев к текстам (см., напр., комм. к «О Флобере»), или, в большинстве других случаев, в основном корпусе, как самостоятельные тексты. В корпусе тома три таких солидных подготовительных материала: «Дополнения и изменения к “Рабле”», затем философско-лингвистический блок материалов к «Проблеме речевых жанров» и, наконец, заключающие том несколько текстов, относящихся к переработке книги о Достоевском. Самостоятельное значение этих текстов очевидно всем читателям и исследователям Бахтина.

Датировка работ явилась особой проблемой для настоящего тома. Лишь некоторые из них датированы автором, некоторые другие можно более или менее определенно датировать или по палеографическим признакам, или по сопутствующим внешним обстоятельствам. Однако ряд текстов, главным образом в первой половине тома, очень трудно приурочить к более или менее точной дате, и приходится их поэтому широко датировать началом или первой половиной 40-х годов. Здесь существенной является их принадлежность савеловскому (до сентября 1945) периоду — поскольку все материалы тома биографически разделяются на две — савеловскую и саранскую — части.

Не все тексты озаглавлены автором в рукописи. В нескольких случаях текст, как стихотворение, озаглавляется по первым словам, заключенным в редакторские угловые скобки. («Риторика, в меру своей лживости...»), («К вопросам самосознания и самооценки...»). Редакторскими являются также заглавия, как «О Маяковском», «О Флобере».

В текстах исправляются лишь явные опiski, особенности авторской орфографии и пунктуации сохраняются. Сокращения слов и имен, которыми автор пользуется не всегда регулярно, раскрываются в угловых скобках. Угловые скобки всюду являются редакторским знаком; знаком <?> сопровождаются слова, в прочтении которых остается сомнение, знаком <...> — пропуски в тексте в местах непоправимых повреждений рукописи. Квадратные скобки — авторский знак, которым внутри своих текстов в рукописях пользовался Бахтин. Все подчеркнутые автором в рукописи слова и фрагменты текста (а иногда и части слова: «о гласие» — см. с. 364 наст. тома) — передаются разрядкой; однако для передачи подобных же авторских выделений в цитируемых им стихотворных текстах (в «Дополнениях и изменениях к “Рабле”»), чтобы не разрушать строку, используется курсив. Рукописи Бахтина изобилуют вторичными авторскими пометами, большей частью позднейшими, делавшимися при пересмотре автором текста (отчеркивания и приписки на полях); они, как правило, описываются в комментариях. Там же даются переводы иностранных текстов.

Комментарии в настоящем томе имеют особенности, отражающие характер тома. Так, как правило, в них дается достаточно подробное описание воспроизводимой рукописи: положение рукописи в тетради (если это тетрадь), палеографические признаки и т. п. Используется доступный комментаторам эпистолярный (письма М. М. Бахтина и в особенности к нему) и документальный материал (протоколы заседаний кафедры Мордовского пединститута университета), хранящийся в его архиве. Все ссылки на материалы этого архива сопровождаются знаком: (АБ). Комментаторы уделяют особое внимание выявлению связей данного комментируемого текста с другими работами Бахтина и с его проблемным миром в целом, а также восстановлению затекстового, общенаучного контекста, в связи (чаще всего неявной) с которым находится проблематика данного текста: так, теоретическая стратегия философско-лингвистических работ автора 50-х годов может быть понята лишь на фоне тех лингвистических дискуссий и обсуждений положения в отечественном языке знания того времени, обзор и анализ которых и предпринят комментатором таких работ, как «Проблема речевых жанров» и архивные материалы к ней, «Язык в художественной литературе», «Проблема текста». Задачей комментария может быть попытка хотя бы гипотетической реконструкции концепции автора, лишь намеченной и неразвернутой в данном тексте: так, небольшая запись

«Проблема сентиментализма» — вероятно, лишь предварительный набросок к большой теме, интересовавшей автора с конца 30-х годов; по его устному свидетельству, о сентиментализме им была написана работа, которая не сохранилась; в комментарии к краткому наброску и делается попытка как бы собрать бахтинский взгляд на сентиментализм из разных работ, в которых она так или иначе отразилась. Комментарий может выявить не всегда указанные автором источники и даже вкрапления конспектов и выписок из других исследований в авторском тексте; такого рода вкрапления выявлены комментатором «Дополнений и изменений к "Рабле"» (см. комм. к ним), характерны они и для архивных материалов к «Проблеме речевых жанров». Важным для комментирования было также изучение обширных конспектов фундаментальных трудов на европейских языках (главным образом на немецком), содержащихся в тетрадях М.М.Б. и относящихся к концу 30-х — первой половине 40-х годов; в комментариях используются бахтинские конспекты таких известных книг, как: *G. Mischel. Geschichte der Autobiographie*, 1907, *E. Cassirer. Philosophie der symbolischen Formen*, Т. 2, 1925, и *Individuum und Kosmos in der Philosophie der Renaissance*, 1927, и др. (см. комм. к работам «Сатира», «Дополнения и изменения к "Рабле"», «Человек у зеркала»). Выделения в тексте комментариев и в приводимых цитатах, принадлежащие комментаторам, передаются курсивом. Отсылки комментаторов к текстам Бахтина, печатающимся в настоящем томе, даются с указанием лишь страницы тома в скобках после цитаты: (с. 000).

Картина деятельности М. М. Бахтина 40-х — начала 60-х годов будет не полной, если не включить в нее названия работ, значащиеся в официальных документах этого времени (списки научных трудов, представлявшиеся автором в разные годы, работы, записанные в планах кафедры Мордовского пединститута-университета). В бумагах М.М.Б. в АБ хранятся два варианта (черновой и белой) следующего списка, оба написанные рукой автора (приводим белой список):

«Список научных работ М. М. Бахтина.

I. Опубликованные в печати.

1. «Проблема творчества Достоевского». Ленинград, 1929 г. (монография, 262 стр.)
2. «Толстой-драматург». Юбилейное издание Л. Н. Толстого, т. IX, Москва Ленинград, 1929 г.
3. «Идеологический роман Л. Н. Толстого», там же, т. VIII, М. Л., 1929.
4. Вступительная статья и комментарии к отдельному изданию «Анны Карениной» Л. Н. Толстого, Ленинград, 1930 г.
5. «Изучение спроса колхозного сектора» (статистическое исследование), «Советская Торговля», Москва, Комакадемия, 1934 г.
6. «Сатира (ее история и теория)», Литературная Энциклопедия, т. X (находится в печати).
- II. В рукописи
7. «Рабле в истории реализма» (монография, 664 стр. на машинке), 1940 г. (отзывы профессоров А. А. Смирнова и Б. В. Томашевского).
8. «Роман воспитания в Германии», 1938 г., 189 стр. на машинке (отзыв проф. Л. И. Тимофеева).
9. «Мениппова сатира и ее значение в истории романа», 1941 г. (4 печ. листа).
10. «Теория романа» (монографическое исследование, 30 печ. листов); отдельные главы были доложены в Институте Мировой Литературы им. Горького в 1940-1941 гг.»

Список подписан автором, но не датирован. Вероятно, он составлялся около 1945 г. в связи с устройством в Мордовский пединститут и послужил основой для двух других уже официальных списков, представленных в 1945 г. в Саранск и годом позже в Москву в ИМЛИ перед защитой диссертации (датирован 27.VI.1946; ГА РФ, ф. 9506, оп. 73, д. 71, лл. 95, 76). В публикуемом рукописном списке АБ пункт 5 зачеркнут автором, но последующая нумерация пунктов не изменена; в официальные списки этот пункт затем не

включался (как, очевидно, сомнительный для списка научных работ филолога, а главное, выдававший ссыльное прошлое автора, в официальных документах замаскированное). Зато загадочная работа об «Анне Карениной», о которой ничего не известно (отдельное издание романа со статьей и комментариями М.М.Б. нами не обнаружено), присутствует также в списке ИМЛИ. Тома юбилейного собрания Толстого указаны, вероятно, по памяти, неверно как в рукописном, так и в официальном списке. Невышедший том «Литературной энциклопедии» со своей «Сатирой» автор, как видим, уже в 1945 г. полагал еще находящимся «в печати». От рукописного списка список ИМЛИ отличается лишь тем, что во второй раздел здесь включена еще одна работа: «Художественная проза Гете», 15 печ. л., 1943 г., а также сдвинута ближе к моменту представления списка датировка работы о менипповой сатире (в черновом варианте рукописного списка АБ в начале означена 1940, затем в белом варианте — 1941, в официальном списке ИМЛИ — 1944 г.) и к «Теории романа» также поставлена близкая дата — 1945 г.

Из документов кафедры всеобщей литературы Мордовского пединститута-университета можно извлечь такой список тем и названий (некоторые из них записаны автором или отмечены в институтских отчетах как выполненные работы или прочитанные доклады, большая же часть — как запланированные темы); в отчете за 1945/46 уч. год значится как «в основном законченная» работа «о народных источниках гоголевского смеха» (приказом по пединституту от 15 мая этого года М.М.Б. командирован в Москву для сбора материалов к книге о Гоголе); «Основные проблемы стилистики романа» (доклад на секционном заседании литературного факультета 11.02.1948; работа «Стилистика романа» значится в кафедральных планах); «Вопросы теории и истории романа» (запланированная на 1948 г. книга в 40 листов); «Творчество Гете и Достоевского» (записано в планах на 1948-1950 гг. как «продолжение старых работ»); «Буржуазные концепции эпохи Возрождения (критическая историография вопроса)» (1948-1949; план работы: «1. Концепции Возрождения до Буркхардта. 2. Критический очерк концепции Буркхардта»); «Источники концепции А. Н. Веселовского» (другая формулировка: «Критика концепции А. Н. Веселовского»); «Язык и стиль литературных произведений в свете учения И. В. Сталина о языке» (1951); «Диалог в литературе и его виды» (статья включена в общий план изучения «проблемы языка и стиля литературного произведения в свете учения И. В. Сталина о языке»; см. комм. к «Из архивных записей к работе "Проблема речевых жанров"»); «Проблема речевых жанров» (1953); «Вопросы теории литературы в средней школе» (методическая статья в планах на 1953-1955); «Слово как образ (к вопросам поэтической семантики)» (план на 1954; проспект работы записан в протоколе заседания кафедры от 3.01.54: «1. Предметно-смысловый момент слова и его виды. 2. Экспрессивный момент слова. 3. Слово как образ»); «Проблема эстетических категорий» (1956-1957); «Проблема сентиментализма во французской литературе» (1958); «Проблема сентиментализма (к истории критического реализма)» (1958-1959). Этот перечень тем составлен по материалам АБ и по опубликованным архивным данным из госархивов (Центральный гос. архив Республики Мордовия, архив Мордовского гос. университета им. Н. П. Огарева); см.: «Биографический указатель М. М. Бахтина», подготовил В. И. Лаптун («Страники», молодежный журнал, Саранск, 1995, № 5-6, с. 90-94); «Хронологический указатель к биографии М. М. Бахтина», сост. В. И. Лаптун и Т. Г. Юрченко («М. М. Бахтин в зеркале критики», М., 1995, с. 99-102); С. С. Конкин, Л. С. Конкина. Михаил Бахтин. Саранск, 1993, с. 267-268.

Как показывает состав текстов, образующих настоящий том, единственная сохранившаяся реальная работа, соответствующая этим планам, отчетам и спискам, — «Проблема речевых жанров» (но и она осталась, по-видимому, незавершенной). Некоторым другим записанным в документах темам соответствуют в материалах АБ лишь предварительные черновые наброски и разработки (о народных источниках гоголевского смеха, к стилистике романа, диалог, сентиментализм; тема менипповой сатиры проходит сквозь многие материалы тома). Некоторые тексты, вероятно, не сохранились (см. комм. к «Проблеме

сентиментализма»). В основном же запланированные работы, по-видимому, написаны не были. В свои официальные планы автор записывал собственные темы, которыми он в различных формах занимался многие годы, однако реальной картине творческой работы М.М.Б. двух этих десятилетий официальные документы, конечно, соответствуют очень условно. Зато документы воспроизводят идеологический фон, на котором приходилось работать автору, словно бы собственной судьбой иллюстрировавшему одну из главных тем своей исторической культурологии — соотношение официального и неофициального в истории культуры и общественной жизни (о самоопределении автором собственной творческой судьбы как «неофициальной» — см.: С. Бочаров. Событие бытия. — Новый мир, 1995, № 11, с. 213-214).

Редакторы и комментаторы настоящего тома благодарят за разнообразную помощь, выразившуюся главным образом в сообщении необходимых специальных сведений, — В. Айрапетяна, Н. И. Балашова, Т. В. Васильеву, П. А. Гринцера, А. А. Гусейнова, Л. Ф. Кациса, В. В. Кожина, В. И. Лаптуна, С. Л. Лейбович, В. Л. Махлина, А. Е. Махова, Л. С. Мелихову, †А. В. Михайлова, Н. И. Николаева, Л. Д. Опульскую, Н. С. Павлову, Е. Г. Падерину, М. В. Подмарькову, С. О. Савчук, В. Страда, В. Н. Топорова, И. Н. Фридмана. За полезные советы благодарим наших рецензентов — В. Е. Хализева и А. П. Чудакова.

В настоящем томе тексты работ готовили и комментарии к ним написали:

- К ФИЛОСОФСКИМ ОСНОВАМ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. Текст: Л. В. Дерюгина. Комментарий: Л. А. Гоготшвили.
САТИРА. Текст и комментарий: И. Л. Попова.
СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ В ИСТОРИИ ЭПОПЕИ. Текст: Л. В. Дерюгина. Комментарий: И. Л. Попова.
К ИСТОРИИ ТИПА (ЖАНРОВОЙ РАЗНОВИДНОСТИ) РОМАНА ДОСТОЕВСКОГО. Текст: Л. В. Дерюгина. Комментарий: С. Г. Бочаров.
<К ВОПРОСАМ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ И О НАРОДНЫХ ИСТОЧНИКАХ ГОГОЛЕВСКОГО СМЕХА>. Текст и комментарий: И. Л. Попова.
К ВОПРОСАМ ТЕОРИИ РОМАНА. К ВОПРОСАМ ТЕОРИИ СМЕХА. <О МАЯКОВСКОМ>. Текст: Г. И. Теплова и Н. А. Паньков. Комментарий: Н. А. Паньков.
<РИТОРИКА, В МЕРУ СВОЕЙ ЛЖИВОСТИ...> Текст и комментарий: И. Л. Попова.
<ЧЕЛОВЕК У ЗЕРКАЛА>. Текст и комментарий: С. Г. Бочаров.
<К ВОПРОСАМ САМОСОЗНАНИЯ И САМООЦЕНКИ...>. Текст и комментарий: И. Л. Попова.
ДОПОЛНЕНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ К «РАБЛЕ». Текст: Л. С. Мелихова и И. Л. Попова. Комментарий: И. Л. Попова.
<О ФЛОБЕРЕ>. Текст: Л. В. Дерюгина. Комментарий: С. Г. Бочаров, Л. А. Гоготшвили (примечания 35-40).
К СТИЛИСТИКЕ РОМАНА. Текст: Л. В. Дерюгина. Комментарий: С. Г. Бочаров.
ВОПРОСЫ СТИЛИСТИКИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ. Текст: Л. С. Мелихова. Комментарий: Л. А. Гоготшвили (при участии С. О. Савчук).
МНОГОЯЗЫЧИЕ, КАК ПРЕДПОСЫЛКА РАЗВИТИЯ РОМАННОГО СЛОВА. Текст и комментарий: И. Л. Попова.
ПРОБЛЕМА РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ. Текст и комментарий: Л. А. Гоготшвили.

<ИЗ АРХИВНЫХ ЗАПИСЕЙ К РАБОТЕ «ПРОБЛЕМА РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ»> (ДИАЛОГ. ДИАЛОГ I. ДИАЛОГ II. ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ). Текст и комментарий: Л. А. Гоготшвили.

ЯЗЫК В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. Текст и комментарий: Л. А. Гоготшвили.

«МАРИЯ ТЮДОР». Комментарий: С. Г. Бочаров.

ПРОБЛЕМА СЕНТИМЕНТАЛИЗМА. Текст и комментарий: С. Г. Бочаров.

ПРОБЛЕМА ТЕКСТА. Текст: Л. В. Дерюгина. Комментарий: Л. А. Гоготшвили.

1961 год. ЗАМЕТКИ. Текст: Л. В. Дерюгина. Комментарий: С. Г. Бочаров (преамбула, примечания 33-107), Л. А. Гоготшвили (преамбула, примечания 1-32).

ДОСТОЕВСКИЙ. 1961 г. Текст и комментарий: С. Г. Бочаров.

ЗАМЕТКИ 1962 г. — 1963 г. Текст и комментарий: С. Г. Бочаров.

Общая преамбула к комментариям — С. Г. Бочаров.

Принятые в комментариях сокращения:

М.М.Б. — Михаил Михайлович Бахтин.

АБ — Архив М. М. Бахтина.

АГ — Автор и герой в эстетической деятельности. — См.: М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества.

ВЛЭ — М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. М., Художественная литература, 1975.

Д — Диалог (в настоящем томе).

Д-I — Диалог I (в настоящем томе).

Д-II — Диалог II (в настоящем томе).

ДКХ — Диалог. Карнавал. Хронотоп. Журнал научных разысканий о биографии, теоретическом наследии и эпохе М. М. Бахтина. Витебск, 1992 — 1995.

Доп. — Дополнения и изменения к «Рабле» (в настоящем томе).

Достоевский — Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений в 30 томах. Л., Наука, 1972 — 1990.

Зап. — Из записей 1970-1971 годов. — См.: М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества.

МФЯ — В. Н. Волошинов. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Издание 2-е. Л., Прибой, 1930.

ПМ — Подготовительные материалы (в настоящем томе).

ПВД — М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского. Издание второе, переработанное и дополненное. М., Советский писатель, 1963.

ПТ — Проблема текста (в настоящем томе).

ПТД — М. М. Бахтин. Проблемы творчества Достоевского. Л., Прибой, 1929.

Р-1940 — М. М. Бахтин. Франсуа Рабле в истории реализма. Рукопись, 1940 (АБ).

Р-1949/1950 — М. М. Бахтин. Творчество Рабле и проблема народной культуры Средневековья и Ренессанса. (Второй вариант диссертации, переработанной для представления в ВАК в 1949-1950 гг.). Рукопись (АБ).

РЖ — Проблема речевых жанров (в настоящем томе).

СВР — Слово в романе. — См.: М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики.

ТФР — М. Бахтин. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., Художественная литература, 1965.

Ф — В. Н. Волошинов. Фрейдизм. Критический очерк. М.-Л., ГИЗ, 1927.

ФМ — П. Н. Медведев. Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику. Л., Прибой, 1928.

- ФП* — М. М. Бахтин. К философии поступка. — См.: Философия и социология науки и техники. М., Наука, 1986.
- Хрон.* — Формы времени и хронотопа в романе. — См.: М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики.
- ЭСТ* — М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М., Искусство, 1979.

записях конца 30-х гг., связанных с работой над темой романа воспитания: «Циклы легенд о мудрецах, возникшие на античной почве (о семи мудрецах, о Сократе, о Диогене и др.), создают совершенно новый тип образа человека и героя, существенно родственны романному типу» (АБ).

14. Дефекты рукописи (угол листа оторван).

15. Открытие «особого внежанрового или междужанрового мира», представляющего автору огромным, не отлившимся в форму романом, в культуре поздней античности, средневековья и Ренессанса (ВЛЭ, 424-425) — одно из крупнейших открытий М.М.Б.

16. Ср.: ВЛЭ, 451.

17. Ср.: ВЛЭ, 449, 451.

18. Одна из сквозных тем романной теории М.М.Б., у которого обоснование особой *прозаической художественности* как второй ведущей линии развития европейской литературы (наряду с поэтическим в собственном смысле словом) шло через пересмотр традиционного отнесения художественной прозы и романа к риторическим формам, в том числе в современных работах Г. Г. Шеста и В. В. Виноградова (полемика с книгой которого «О художественной прозе», М.-Л., 1930, была одним из аспектов тотального теоретического спора М.М.Б. с Виноградовым, проходившего по комплексу тем на протяжении десятилетий, начиная с ППД; см. ниже комм. к блоку архивных материалов к РЖ и к ПТ, а также к текстам «Вопросы стилистики на уроках русского языка в средней школе» и «Язык в художественной литературе». См.: ВЛЭ, 80-82, 165-166, 210, 217-220, 409, 475-476; ЭСТ, 354-357).

19. Дефекты рукописи.

20. В рукописи было начато: «иронического».

21. М.М.Б. любит освещать свою теорию жанров разного рода сравнениями; ср. уподобление изучению классических жанров изучению мертвых языков, «изучение же романа — изучению живых языков, притом молодых» (ВЛЭ, 448).

ВОПРОСЫ СТИЛИСТИКИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ*

Впервые — в журнале «Русская словесность», 1994, № 2, с. 47-56 (публикация и примечания Л. С. Мелиховой). В архиве сохранилось два рукописных текста. Один написан рукой М.М.Б. на разрозненных тетрадных листках, не пронумерованных, но сложенных по порядку и вложенных в обложку от ученической тетради. На обложке имеется заголовок: «М. М. Бахтин. Вопросы стилистики на уроках русского языка в средней школе», но на первой странице самой рукописи заглавие иное: «М. М. Бахтин. Вопросы стилистики на уроках русского языка в VII-ом классе. Стилистическое значение бессоюз-

ного сложного предложения». В настоящем издании текст озаглавлен в соответствии с заголовком на обложке тетради. По всей видимости, эта рукопись является исходным черновым вариантом статьи (кроме обычной авторской правки здесь встречаются и разные стилистические варианты одного и того же фрагмента; некоторые абзацы перечеркнуты волнистой линией). Помимо связного текста, окончание которого отмечено М.М.Б. специальным значком, в эту же обложку вложены три отдельных листка, представляющие собой, вероятно, ученические работы по немецкому языку, на обратных (чистых) сторонах которых имеются разрозненные бахтинские записи на тему статьи, не локализованные в сплошном тексте рукописи.

Второй хранящийся в архиве рукописный текст (постранично пронумерованная ученическая тетрадь с вложенными в нее 5 листами — всего написано 25 страниц) написан поочередно несколькими разными почерками, ни один из которых не является бахтинским. Судя по характерным особенностям этих почерков (в том числе по многочисленным орфографическим ошибкам у одного из «писцов»), можно предполагать, что этот текст записывался под диктовку М.М.Б. несколькими школьниками-старшеклассниками. Вероятно, имея перед собой свои исходные черновые записи к статье, М.М.Б. надиктовывал «писцам» исправляемый по ходу диктовки и задумываемый как окончательный вариант статьи. Однако и этот второй «писарский» вариант остался не законченным (рукопись не озаглавлена, не датирована; в ней не исправлены орфографические ошибки, то есть М.М.Б. скорее всего не перечитывал эту рукопись и, следовательно, не подготавливал ее не только для сдачи в какую-либо официальную инстанцию, но и для машинописи). Вероятно, надобность в окончательном оформлении текста отпала (см. ниже).

Сравнение первой (бахтинской) и второй («писарской») рукописей свидетельствует, что переработка коснулась, прежде всего, начала и окончания статьи (т. е. первой и третьей части, вторая же часть работы практически идентична в обоих вариантах). Имеются и композиционные отличия: в бахтинском черновике работа имеет три раздела, отмеченные римскими цифрами, а в «писарском» варианте такая нумерация отсутствует (хотя сохранены увеличенные пробелы между соответствующими разделами текста). Помимо частных стилистических и лексических различий между двумя рукописями имеются и более значительные расхождения: сжатые черновые записи М.М.Б. развернуты в «писарском» варианте в большие фрагменты, встроенные в окружающий контекст. Расширены по сравнению с черновиком и «обзорная» часть статьи, и справочный аппарат. В настоящей публикации воспроизводится вторая «писарская» рукопись без каких-либо изменений (за исключением исправленных орфографических ошибок), но вместе с тем все существенные содержательные отличия «писарской» рукописи от чернового бахтинского варианта (прежде всего фрагменты черновика, не вошедшие в окончательный текст) специально оговорены и приведены в постраничных примечаниях.

Статья написана в период работы М.М.Б. в качестве преподавателя железнодорожной школы № 39 ст. Савелово Калининской (Тверской) области и — одновременно — средней школы № 14 г. Кимры (1942-1945). Благодаря сохранившимся в архиве документам можно произвести и более точную датировку. Во-первых, в черновую бахтинскую рукопись вложен одинарный, исписанный с обеих сторон тетрадный листок, на котором рукой М.М.Б. записан набросок плана-конспекта открытого урока по русскому языку в X-ом классе 14 школы на тему: «Гире и двоеточие в сложном предложении (обзорное повторение)». Согласно этому плану-конспекту, открытый урок был проведен (или был запланирован к проведению) 18.IV.45 г. В число шести языковых примеров, которые предполагалось рассмотреть на

* В написании настоящих комментариев принимала участие С. О. Савчук.

этом уроке, входят и те три предложения, на стилистическом анализе которых основана данная статья. Можно предположить, что конспект открытого урока либо составлялся М.М.Б. одновременно с работой над статьей, либо, скорее, предшествовал написанию статьи. В пользу второго предположения говорит различие в типах анализа лингвистического материала: на уроке, насколько можно судить по плану, намечался более традиционный (логико-синтаксический и интонационный) анализ, в статье же опробован обновленный стилистический анализ, отражающий специфически бахтинский «диалогический» подход к языку.

Во-вторых, в архиве сохранился отдельный тетрадный листок с написанным рукой М.М.Б. текстом следующего содержания:

«Индивидуальная работа М.М.Бахтина на тему: «Вопросы стилистики на уроках русского языка в VII-ом кл.» может быть закончена и выслана только 10 июня, т.к. М.М.Бахтин в настоящее время очень занят на своей основной работе как преподаватель и член экзаменационной комиссии в X-ом кл. 14-ой школы.

Директор 39 шк.»

Вероятнее всего, этот текст является сформулированным самим М.М.Б. черновиком для справки, отправленной или подготовленной к отправлению (в связи с необходимостью производственного или отчетного характера) в какое-либо из подразделений органов народного образования (например, методический кабинет, курсы повышения квалификации и т. п.). Этот документ позволяет с точностью до дней установить намеченный самим М.М.Б. срок окончания работы над статьей — не позднее 10 июня 1945 г. Хотя в самом документе год не зафиксирован, но это не мог быть ни какой-либо предшествующий год (фабричная маркировка даты выпуска тетради с «писарской» рукописью — 18.VII.1944, то есть тетрадь выпущена после 10 июня 1944 года), ни последующий, так как 1945 — последний год работы М.М.Б. в школе. То, что статья, как уже говорилось, не была окончательно завершена и, скорее всего, так и не была отправлена официально адресату, связано, вероятно, с уже намечавшейся к тому времени переменой места работы М.М.Б. и его переездом в г. Саранск (согласно документам, уже с сентября 1945 г. М.М.Б. числится доцентом кафедры зарубежной литературы Мордовского пединститута).

Формальный повод для написания данной работы не вполне ясен. Если черновая бахтинская рукопись скорее всего составлялась как основа для устного публичного выступления (на что указывает слово «доклад» в ее заключительной части, а также отдельные особенности синтаксиса), то во втором «писарском» варианте эти знаки принадлежности к жанру доклада отсутствуют, а в уже упоминавшейся справке создаваемый М.М.Б. текст назван «индивидуальной работой», которая может быть «выслана», то есть речь, вероятно, шла о статье или методической разработке, откуда — используемое в настоящем издании жанровое определение данной работы М.М.Б. как «статья» в определенном смысле условно.

Соответствуя по стилю научно-методическому исследованию и даже представляя собой «высокий образец» этого жанра, статья далеко выходит тем не менее по своему содержанию за рамки собственно методического жанра. В содержательном плане статья может восприниматься в одном ряду с теоретическими работами «лингвистического цикла» (МФЯ, вторая часть ПТД, СВР, РЖ, ПТ и др.), тем более, что между этими работами и настоящей статьей обнаруживаются не только лексические, но и теоретические параллели (некоторые из них отмечены ниже в примечаниях). Статья несомненно имеет двупланное

построение и, соответственно, двух предполагаемых читателей: учителя-методиста и лингвиста, хотя «лингвистическое прочтение» статьи, конечно, менее прозрачно и очевидно. Смысловые нити, ведущие от первого (методического) ко второму (теоретическому) плану статьи, отчетливо проступают на фоне общего положения дел в методической литературе того времени. И в данной статье М.М.Б. — как всегда — точно учитывает сложившуюся ситуацию: имеющиеся в статье чисто методические аспекты должны были по замыслу пред- ставлять самостоятельный интерес для читателя-методиста, поскольку они прямо касались наиболее дискуссионных тогда методических тем (сохраняют они этот интерес и до сегодняшнего дня, так как в мето- дике обучения русскому языку до сих пор не установилось какого-либо однозначного понимания затрагиваемых М.М.Б. вопросов). В част- ности, бахтинская статья прямо ориентирована на ведущее в России с середины XIX века (а с начала XX века — вызывающее особенное внимание) широкое обсуждение кризиса школьного преподавания русского языка. Формально позиция М.М.Б. близка здесь к той отече- ственной методической традиции, которая развивалась Ф. И. Буслее- вым, И. И. Срезневским, К. Д. Ушинским, А. М. Пешковским, В. И. Чернышевским, Л. В. Щербой и др. В рамках этой традиции велась близкая М.М.Б. критика оторванности содержания курса рус- ского языка от потребностей школы; утверждалась, в частности, уси- ливался акцент на творческом изучении «живого» русского языка. Особое значение придавалось разработке стилистического аспекта, в частности, вопросов грамматической стилистики, которая как раз и была в эпицентре теоретического внимания М.М.Б. в области лингви- стики. Разделял М.М.Б. и общий пафос этой методической традиции, проявлявшийся в постоянной и настойчивой критике догматизма и схоластики в школьном обучении. Корень методических разногласий внутри этой единой традиции заключался в различном понимании причин школьного догматизма и схоластики, причем в разное время преобладали и разные варианты понимания этих причин. Можно условно выделить два основных этапа: начало XX века и 20 — 30-е годы. Если в начале века источник догматизма и схоластики видели преимущественно в господстве «ненаучных» представлений о языке, то в 20 — 30-е годы, наоборот, — в «ультраформализме», то есть в ги- пертрофии «научности». Первое понимание причин кризиса школьного преподавания концентрировано отразилось на Первом съезде преподавателей русского языка военно-учебных заведений (1903 г.), в работе которого принимали участие И. А. Бодуэн де Куртене, И. А. Соболевский, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, Л. В. Щер- ба, Д. Н. Ушаков и др., а затем — на Первом Всероссийском съезде преподавателей русского языка и словесности (27.12.1916 — 4.01.1917). Рекомендации обоих этих съездов призывали искать науч- ную основу методики преподавания языка в теоретическом языкозна- нии, что и оказало решающее влияние на практику школьного обра- зования в послереволюционные годы. Так как «теоретическое языко- знание» того времени развивалось либо в духе Ф. де Соссюра, либо прямо в русле русского формализма (в обе эти тенденции лингвистики формалистические схемы и анализы. И хотя в течение 20-х — 30-х годов (второй этап методических дискуссий) школьный курс подверг- ся некоторой корректировке в результате непрекращающейся критики со стороны более широко понимавших свою область науки лингвистов (см., напр., критику А. М. Пешковским «ультраформалистических» тенденций в преподавании языка — прим. 2), однако общая установ- ка школьной методики на соссюровско-формалистическое (как бы

«научное») языкознание сохранилась и в 40-е годы, то есть ко времени написания М.М.Б. настоящей статьи.

Внешние позиции М.М.Б. хорошо «укладываются» в рамки того понимания причин кризиса школьного образования, которое сложилось на втором этапе развития указанной методической традиции (совпадая, в частности, с критикой ультраформализма Пешковским), однако в действительности она равно противостоит и первому, и второму варианту понимания причин кризиса: и формализму, и Пешковскому (о различиях между позициями М.М.Б. и Пешковского см. прим. 12). Причина господства схоластики в школьном образовании лежит, согласно мысли М.М.Б. (теоретически обоснованной в *МФЯ* и методологически конкретизированной в данной статье), в принципиально ложной — *монологической* — ориентации, общей всем соперничающим в то время как чисто теоретическим, так и методическим типам лингвистического мышления (в том числе и тому его типу, который проявился, в частности, в работах Пешковского и который формально, а следовательно — ошибочно, может восприниматься как близкий самому М.М.Б. в данной статье). Истоки общего преобладания в лингвистике монологических тенденций М.М.Б. усматривал в самой истории становления и формирования этой науки, которая складывалась в «процессе овладения мертвым чужим языком» (*МФЯ*, 75). Живой язык при таком подходе и в науке, и в школе изучается так, «как если бы он был мертвым, а родной — так, как если бы он был чужим» (*МФЯ*, 78). Фактически М.М.Б. стоял, видимо, на той точке зрения, что преодоление схоластики и догматизма в школьном образовании станет возможным только после того, как в самой теоретической лингвистике будут преодолены монологические тенденции: путь же к преодолению лингвистического монолизма лежит, согласно общей бахтинской философии языка, через полную и всестороннюю адаптацию лингвистикой всего того круга проблем, который связывался М.М.Б. с центральным для него понятием «диалогических отношений».

На этом фоне становится прозрачней та связь, которая существует в данной статье между ее внешне-методическим и глубинно-теоретическим планами. Представляя собой с виду частный стилистически-методический анализ конкретного синтаксического явления (бессоюзного сложного предложения), производимый, как это заявлено в самой статье, в целях развития индивидуального стиля речи учащихся, на своем втором, теоретическом, уровне данная статья одновременно направлена и на уточнение общей лингвистической концепции М.М.Б.: здесь разработан (на основе особо понимаемых диалогических отношений) один из ранее оставшихся не до конца ясным частных фрагментов намеченной еще в ранних работах глобальной теоретической задачи «пересмотра форм языка в их обычной лингвистической трактовке» (*МФЯ*, 98). Хотя замысел этой принципиально новой для лингвистики «диалогической» классификации всех языковых форм так и не был реализован М.М.Б. полностью ни в практическом, ни в теоретическом отношении, именно он, скорее всего, должен рассматриваться как конечная гипотетическая цель всей лингвистической концепции М.М.Б. (подробнее об этом см. прим. 1 к *Д*). Конкретные синтаксические анализы, произведенные в *МФЯ*, *ПТД*, *СВР* и настоящей статье, позволяют предположительно оценить потенциальную эвристическую силу этого бахтинского замысла, причем каждая из этих работ имеет в этом отношении свои отличительные особенности.

Своеобразие настоящей статьи состоит в том, что если в других работах «испытание» диалогической теории проводилось в основном на различных способах передачи чужой речи, которые по самой своей природе уже предполагают диалогические отношения (акцент при

этом ставился на изучение языка литературных произведений, в которых само наличие разных персонажей уже изначально предполагает и наличие диалогических отношений), то здесь объектом «обновленной проблематизации» является бессюзное сложное предложение, то есть общеязыковая и традиционно никак не связываемая с диалогичностью синтаксическая конструкция.

Прежде чем перейти к специфике установленной М.М.Б. связи между этим далеким, с обычной точки зрения, от диалогизма типом предложений и диалогическими отношениями, необходимо оговорить возникающую здесь терминологическую проблему. В 40 — 50-е годы М.М.Б. нередко пользовался в своих текстах разного рода терминологическими «гибридами», представляющими собой либо полный, либо — чаще — редуцированный собственно бахтинский «смысл», облеченный в «чужую», широко распространенную (а значит — понятную предполагаемому М.М.Б. читателю) языковую «оболочку». (Подробнее об этой своего рода риторической стратегии М.М.Б. в 50-е годы, о ее причинах и целях см. общую преамбулу к блоку подготовительных материалов под общим заглавием «Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров»). Аналогичная в терминологическом отношении ситуация сложилась и в настоящей статье. Сам термин «диалогические отношения» ни разу не употребляется в тексте статьи; не упоминается в ней также ни о диалоге, ни о диалогичности. В качестве же функционального синонима («терминологического гибрида») к этому кругу бахтинских категорий используется понятие «драматизации» (или «драматичности»). Разумеется, термин «драматизация» не является полным аналогом диалогических отношений. Более того: в других работах понятие «драматизации» используется иногда почти как антипод диалога. Так, в литературоведческих работах М.М.Б., в которых разрабатывается теория полифонии (о связи полифонии с диалогическими отношениями см. *ПТД*, 272 — 273), драма не только не рассматривается как полифоническое явление, но прямо называется монологическим жанром (*ПТД*, 22 — 23). Однако, если учитывать апперцептивный фон читателя, на который ориентировался М.М.Б. в настоящей статье (а этот фон включал в себя, в частности, активную жизнь понятия драматизации в известных и авторитетных лингвистических работах того времени, в том числе — в многочисленных работах В. В. Виноградова), то понятие драмы и связанные с ним производные (драматизм, драматичность, драматизация и пр.) оказываются удобным, хотя и «получужим», синонимическим аналогом диалогических отношений, поскольку они создают для читателя наглядный образ распада целого монологического высказывания «на разные голоса». Этот двуголосый терминологический гибрид часто использовался М.М.Б. и в других текстах, например, в работе «1961 год. Заметки», с. 332: «Слово — это драма, в которой участвуют три персонажа (это не дуэт, а трио)». Можно даже говорить об устойчивой текстуально-смысловой корреляции между диалогизмом и драматизмом, прослеживаемой во многих работах М.М.Б. (*МФЯ*, *ПТД*, *СВР*, *ПТ*, *Д-1*). Вполне вероятно и предположение, что понятие «драматизма» было неразвернутым смысловым зародышем очередной диалогически ориентированной бахтинской категории, противопоставленной сугубо монологической интерпретации драматизма у постоянного оппонента М.М.Б. — В. В. Виноградова (см. прим. 21 к *Д-1*).

Что касается данной статьи, то имеющаяся здесь прямая связь между «драматичностью» и «диалогическими отношениями» проявляется уже в той цели, ради которой М.М.Б. использует прием «драматизации» анализируемых предложений (то есть нарочитое утрирование мимики, жестов, эмоциональной интонации и др.). Этот прием направлен здесь на то, чтобы наглядно продемонстрировать нали-

чис в каждом бессоюзном сложном предложении *несколько* (не меньше двух) «героев», способных внести в эту формально единую (монологическую) конструкцию свой «голос» и, следовательно, способных вступить между собой в диалогические отношения. В конечном счете М.М.Б. подводит здесь читателя к общетеоретическому выводу о принципиальной диалогичности (драматичности) *всех* бессоюзных конструкций как таковых (см. прим. 26, 30, 32).

Этот теоретический вывод по поводу казалось бы отдельной синтаксической конструкции затрагивает тем не менее весь синтаксис и всю грамматику в целом. Взяв в качестве объекта анализа структурный тип предложения, выделенный на основе обычных логико-грамматических (монологических) критериев, но придав ему диалогическую интерпретацию, М.М.Б. тем самым фактически проблематизирует здесь фундаментальные постулаты лингвистики, в частности те критерии, которые традиционно кладутся в основу грамматической классификации языковых явлений. Имплицировано подразумеваемая при этом фундаментальная проблема может быть сформулирована следующим образом: к чему приведет «столкновение» монологического и диалогического подходов? Не разрушит ли бахтинский диалогический метод анализа существующую, построенную на формально-логических (монологических) критериях классификацию бессоюзных сложных предложений, а за ней — и классификацию всех сложных предложений? Или же напротив: результаты применения диалогического подхода подтвердят оправданность выделения в качестве самостоятельного типа и бессоюзного сложного предложения (со всеми его вариантами), и, следовательно, всех других структурных типов предложения, что в свою очередь поддержит и традиционно используемые критерии классификации языковых явлений. Какие-либо категорические ответы на эти вопросы от имени М.М.Б. были бы преждевременными, прежде всего потому, что сам М.М.Б. только намечил контуры возможной новой (диалогической) классификации языковых явлений. Однако то, что диалогический подход так или иначе изменил бы, по мнению М.М.Б., традиционную классификацию, несомненно. Вопрос заключается лишь в том, насколько существенны будут эти изменения: коснутся ли они только отдельных типов предложений или — предельная версия — в корне изменят и самую номенклатуру, и тип соотношений между классифицируемыми объектами.

Что же касается именно бессоюзных сложноподчиненных предложений, проанализированных в данной статье, то (если условно развить пунктирно намеченные М.М.Б. моменты) этот единый с логико-грамматической (монологической) точки зрения тип предложения скорее всего распадется на несколько *разных* типов диалогических синтаксических конструкций, хотя, с другой стороны, эти разные типы и могут на более высоком уровне абстракции рассматриваться как некий единый «архитип», обладающий общими, уже чисто формальными, языковыми показателями.

В связи с этой общетеоретической проблемой возникает и вопрос о том, случаен ли выбор М.М.Б. в данной статье именно бессоюзных конструкций в качестве объекта диалогического анализа? Если не принимать в расчет предположения, что это могло быть сделано либо по внешнему тематическому заказу, либо по соображениям практического удобства (возможность дать диалогическую интерпретацию синтаксическому типу, изучаемому в школьной программе), то в качестве одной из причин этого выбора могло быть то, что М.М.Б. и раньше относил бессоюзные конструкции к числу языковых явлений, «сигнализирующих» о внутренних тенденциях развития языка в целом. Такого рода упоминание о бессоюзных сложных предложениях встречается уже в *МФЯ* (в связи с отмеченной Ш. Балли новейшей общеязыковой тенденцией предпочитать паратаксические сочетания пред-

ложений гипотаксическим *МФЯ*, 142); в данной же статье М.М.Б. обращает внимание на активную роль бессоюзных предложений именно в истории русского литературного языка, переживающего с конца XVIII века процесс постепенного отмирания книжных, а по М.М.Б. — монологических, форм речи и усиления разговорных форм, ориентированных на собеседника, на общение, на диалог (*Д-Т*, 211). Будучи оптимальной языковой формой для воплощения этой тенденции, бессоюзные конструкции, проникающие из разговорной речи в литературные жанры, влекут за собой ослабление монологического и усиление диалогического элемента речи, способствуя формированию обновленных (по М.М.Б., обновленных именно в сторону диалогизма) черт общего синтаксического строя языка*.

Следует, видимо, специально оговорить, что М.М.Б. по-своему применяет здесь и традиционные приемы синтаксических анализов: то, что в монологической лингвистике используется как «прямое» доказательство, М.М.Б. использует как доказательство «от противного». Так, применяемый М.М.Б. метод трансформации бессоюзных конструкций в сложноподчиненные предложения, смысл которого (метода) состоит в выявлении (словесном выражении) и тем самым выдвигении на первый план именно логических (в частности — каузальных) отношений между частями бессоюзного предложения, служит здесь не экспликацией прямых пресуппозиций (что, согласно монологическому лингвистическому мышлению, проясняет самый смысл исходного предложения), а наглядной иллюстрацией обратного обстоятельства: того, что суть диалогических отношений, входящих в глубинную содержательную структуру бессоюзных сложных предложений, *не может быть* сведена ни к логическим, ни к формально-грамматическим, ни к психологическим, ни к механическим, ни к каким-либо иным природным отношениям («1961 год. Заметки», с. 335). Ни одна из «трансформаций» не только не в состоянии, по М.М.Б., адекватно передать смысл исходного высказывания**, но и, будучи по самой своей природе основана на подчеркивании монологических связей, неизбежно ведет к *редукции* имеющихся в исходном предложении диалогических отношений. Если, как того требует метод синтаксических трансформаций, эксплицировать логические отношения, которые, конечно, так же как и диалогические отношения, имплицитно присутствуют в каждом бессоюзном сложном предложении, то мы приходим к «обычным» сложноподчиненным предложениям с временными или причинными отношениями, как бы не зависящими от ситуации речи. Экспликация же диалогических отношений ведет в бахтинском анализе к восстановлению подразумеваемой коммуникативной ситуации, всегда основанной на взаимодействии нескольких позиций — автора, «героя», темы, слушающего, говорившего ранее (конкретная диалогическая характеристика бессоюзных предложений и более подробное изложение теоретических аспектов бахтинских анализов будут даны в соответствующих постраничных примечаниях), то есть выявляет некую имплицитную смысловую перспективу, либо ускользающую при традиционном синтаксическом анализе, построенном на формально-логических основаниях, либо принципиально игно-

* Ср. противоположное мнение А. М. Пешковского, согласно которому эволюция языка идет в сторону большей грамматической дифференциации, будь то дифференциация сочинительная или подчинительная (то есть от бессоюзия — к союзному соединению предложений) — *Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении*. М., 1956, с. 474.

** Ср. в этой связи противоположное утверждение А. М. Пешковского об абсолютной тождественности значения интонаций (связывающих части бессоюзных предложений) определенным логическим типам союзов (*Пешковский А. М. Русский синтаксис*... 470).

рируемую этим анализом. Последнюю возможность (принципиальное игнорирование) никак не следует исключать уже хотя бы на том основании, что в виноградских работах, написанных после выхода ИТД и после публикации волошиновской статьи «О границах поэтики и лингвистики» (сб. «В борьбе за марксизм в литературной науке». Л., 1930), специально направленной против виноградского типа анализа, все, что в бахтинских координатах входит в рубрику «диалогические отношения», настойчиво продолжало оцениваться, хотя и с некоторыми оговорками чисто смыслового (не лингвистического) характера, как риторические явления, фундированные в конечном счете на логической основе, понимаемой в духе Г. Г. Шпета (подробнее об этой стороне проблемы см. примечания к работе «К философским основам гуманитарных наук»).

В целом второй, глубоко-теоретический, план настоящей статьи оказывается настолько существенным, что с его помощью можно восстановить некоторые и теоретические, и практические лакуны, возникающие в бахтинистике при попытке реконструкции бахтинской философии языка в ее полном объеме (см. прим. 15, 26, 30, 32).

1. В черновой (бахтинской) рукописи, имеющей три помеченных цифрами раздела, в начале текста стоит римская единица — I.

2. Проблема соотношения грамматики и стилистики в связи с обсуждением школьного курса русского языка поднималась с конца XIX в. (Ф. И. Буслаев, И. И. Срезневский, К. Д. Ушинский, Н. Ф. Бунаков, В. И. Чернышев и др.), но особую остроту она приобрела в период подготовки и осуществления школьной реформы (начало XX в. и пореволюционные годы). Об эволюции взглядов в этой области см. А. М. Пешковский. «Вопросы изучения языка в семилетке», «Роль грамматики при обучении стилю», «Как вести занятия по синтаксису и стилистике в школах взрослых». — *Пешковский А. М.* Вопросы методики родного языка, лингвистики, стилистики. М., 1930. Смена научно-методических концепций курса русского языка (см. преамбулу) непосредственно отражалась в школьных программах: если программа 1921/1922 г. фактически узаконивала критикуемый здесь М.М.Б. отрыв грамматики от других разделов русского языка, относя ее к занятиям, дающим знания, в то время как стилистика причислялась к занятиям, дающим навыки, то в программе 1933/1934 г. изучение русского языка было ориентировано прежде всего на овладение основными речевыми жанрами, при этом занятия грамматикой, лишенной прежнего господствующего положения, прямо увязывались с занятиями по стилистике, орфографии, культуре речи. Однако в дальнейшем, в программе 1938/1939 г. и в стереотипных программах последующих лет, действовавших в школе в период написания М.М.Б. данной статьи, аналогичные положения действительно приобрели декларативный и противоречивый характер, отмеченный здесь М.М.Б.: с одной стороны, осуждался «искусственный, вредный разрыв» между грамматикой, литературным чтением и культурой речи и формулировались задачи интегрированного по своей сути курса русского языка (что отмечено М.М.Б. как *триумф*), но, с другой стороны, раздел «Развитие речи» был целиком перенесен в программу по литературному чтению, что ограничивало занятия русским языком прежде всего усвоением грамматических понятий и правил правописания («чистая грамматика» по М.М.Б.), чему соответствовали и сами рекомендуемые программой методы изучения языка (грамматический разбор, подбор примеров на грамматические правила, исторический комментарий к отдельным языковым явлениям и под.).

О специфически бахтинском понимании соотношения грамматики и стилистики см. *МФЯ, РЖ, СВР*.

3. *Василий Ильич Чернышев* (1867 — 1949) — известный и авторитетный в то время лингвист, автор трудов в области русского литературного языка и языка художественной литературы, диалектологии, лексикологии и лексикографии, орфоэпии, стилистики, методики русского языка. Книга Чернышева «Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики», еще в рукописи удостоенная Академией наук (по представлению А. А. Шахматова) премии имени М. И. Михельсона за 1909 г., выдержала с 1911 по 1915 гг. три издания. Негативная оценка книги В. И. Чернышева объясняется, вероятно, принципиальным несогласием М.М.Б. с предложенной в ней трактовкой стилистической грамматики как свода норм и вариантов употребления языковых единиц, что делает эту книгу «нормативно-стилистическим справочником». Выбор Чернышевым критерия «правильности» в качестве основы для построения стилистики грамматических форм отражает, с точки зрения М.М.Б., общую приверженность отечественной лингвистики нормативному (монологическому) подходу к языку. О критической бахтинской оценке нормативного аспекта в лингвистике как отчетливого выражения монологической тенденции см. прим. 3 к Д-И. Интересно, что уже первое издание книги Чернышева было подробно разобрано в рецензии известного слависта И. В. Ягича, который, характеризуя в целом общую концепцию книги как безукоризненную, все же рекомендовал в качестве пожелания автору расширить третью, синтаксическую часть за счет собственно стилистического комментария (см. *Чернышев В. И.* Избранные труды в 2-х т. Т. 1. М., 1970, с. 652-654), что фактически соответствует смыслу бахтинской критики. Однако общепризнанная оценка книги Чернышева, в том числе и ее стилистической части, была высоко положительной. Продолжая традицию, идущую от нормативных грамматик М. В. Ломоносова и Ф. И. Буслаева, и оказывая, вследствие общепризнанной высокой оценки, серьезное влияние на отечественную лингвистику, труд Чернышева во многом способствовал усилению интереса к нормативным аспектам как в теоретических работах, связанных с культурой речи (Г. О. Винокур, С. И. Ожегов, Г. В. Степанов, Ф. П. Филин и др.), так и в практических пособиях по стилистике, словарях «трудностей», «правильности» и т. д. (А. Н. Гвоздев, К. С. Горбачевич, Д. Э. Розентау, Л. И. Скворцов и др.). Характерно, что и В. В. Виноградов (в отличие от М.М.Б.) достаточно высоко оценивал работы Чернышева (см. *Виноградов В. В.* В. И. Чернышев как исследователь русского литературного языка. — «Русский язык в школе», 1947, № 2; вступительная статья к изданию: *Чернышев В. И.* Избранные труды в 2-х т. Т. 1. М., 1970).

4. О школе Ф. де Соссюра см. прим. 6 к РЖ. Среди основных работ представителей этой школы в области лингвистической стилистики следующие: *Балли (Bally) Шарль* (Bally Ch., 1865-1947). Précis de stylistique. Genève, 1905; Traité de stylistique française, t. 1-2. Hdlb., 1909. Рус. пер.: Французская стилистика. М., 1961; Le langage et la vie, 1913; Linguistique générale et linguistique française. P., 1932. Рус. пер.: Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. *Сеуе Альбер* (Sechehaye A., 1870-1946). La stylistique et la linguistique théorique. — Mélanges linguistiques offerts à M. Ferdinand de Saussure. P., 1908; Les règles de la grammaire et la vie du langage. — Germanisch-romanische Monatsschrift, VI. 1914. *Тубоде Альбер* (Thibaudet A., 1874-1936). Французский литературовед занимался также проблемами стилистики художественной литературы. Его интерпретацию явления чужой («пережитой») речи (style indirect double), содержащуюся в книге «Gustave Flaubert» (P., 1922), Л. Шпитцер выделял как наиболее правильную (*Spitzer L.* Zur Entstehung der

sogenannten «erlebten Rede». — Germanisch-romanische Monatsschrift, XVI, 1928). Для М.М.Б. несобственная прямая речь, как известно, была «узловым» пунктом, имеющим принципиальное значение для всей лингвистики в целом (см. прим. 34, 38 к «Языку в художественной литературе»).

5. Во Франции действительно издавалось много учебной литературы такого рода. Что конкретно имел в виду М.М.Б., определить трудно, но см., напр., пособия: *Bally Ch. Traité de stylistique française*. T. II. Hdlb., 1909 (том II содержит только упражнения, адресованные студентам и старшим школьникам); *Bouillot V. Le français par les textes. Lecture expliquée. Récitation. Grammaire. Orthographe. Vocabulaire. Composition française. Cours moyen*. P., 1929; *Goby A. Le livre du maître pour l'enseignement de l'analyse*. P., 1934; *Legendre E. Stylistique française*. P., 1924; *Larousse P. Cours de style. Livre de l'élève*. P., 1875; *Roustan M. Précis d'explication française*. P., 1911.

Интересно, что предложенные Л. В. Щербой образцы лингвистического анализа художественного текста представляли собой, по его собственной характеристике, «опыты пересаживания французского explication du texte» на почву отечественной методики преподавания (*Щерба Л. В. Опыт лингвистического толкования стихотворений. I. «Воспоминание» Пушкина*. Изр., 1923; *Опыт лингвистического толкования стихотворений. II. «Сосна» Лермонтова в сравнении с ее немецким прототипом*. Л., 1936. — *Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку*. М., 1957, с. 26-44, 97-109).

6. Подробный анализ основных положений школы Фосслера и критический разбор работ ученых этой школы дан в *МФЯ. О бахтинском отношении к школе Фосслера* см. прим. 9 к *РЖ*.

7. Ко времени написания М.М.Б. данной статьи существовало два подготовленных самим А. А. Потебней издания его труда «Из записок по русской грамматике»: издание I — Воронеж, 1874 (I-II части), издание 2 — Харьков, 1888 (I-II части), 1899 (III часть). Не заверченный самим Потебней выпуск IV «Глагол, местоимение, числительное, предлог» (именно эту книгу, скорее всего, и имеет в виду М.М.Б. в данном случае), подготовленный к изданию А. В. Ветуховым, М. Д. Мальцевым, Ф. П. Филиным к 100-летию (1935 г.) со дня рождения А. А. Потебни, вышел в свет в 1941 г. действительно небольшим тиражом 5000 экземпляров.

8. В черновом варианте статьи М.М.Б. конкретизирует эту негативную оценку школьных пособий по русскому языку, прямо называя главный недостаток учебника Бархударова, состоящий, по его мнению, в отсутствии всяких стилистических указаний (за исключением отдельных замечаний стилистического характера в разделе о типах простого предложения). Что касается помещенных в учебнике упражнений, «дезориентирующих», по М.М.Б., учителя и учащихся, то здесь, вероятно, имеется в виду, что в упражнениях, связанных с подбором грамматических синонимов и как будто бы прямо ориентированных на решение стилистических задач, такие стилистические задачи не ставятся, а дело сводится лишь к тому, чтобы перечислить «возможно большее количество» синтаксических конструкций, имеющих сходное значение, без какого-либо объяснения происходящих при синтаксических трансформациях смысловых изменений. Таково, напр., упр. 158 в разделе о бессоюзных сложноподчиненных предложениях; остальные упражнения этого раздела связаны с усвоением правил пунктуации: «спишите, расставьте знаки, объясните их» (*Бархударов С. Г. Грамматика русского языка. Ч. II. Синтаксис*. Рига, 1941, с. 102). Ср. прим. 12.

9. Под «одновременно» имеется, вероятно, в виду, что язык не только средство коммуникации, но и средство изображения. Здесь, однако, зафиксированы лишь первые два параметра из обычной для М.М.Б. «трехмерности» языка: опущено измерение языка как *объекта* изображения. О проблеме соотношения изображающей и изображенной речи по М.М.Б. см. примечания к работе «Язык в художественной литературе».

10. В отечественной методической литературе постановка проблемы грамматической синонимии принадлежит А. М. Пешковскому (*Пешковский А. М. Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики*, выше цит., с. 152-158, 60). В дальнейшем интерес к этой проблеме был, в частности, связан с интенсивной разработкой методики преподавания русского языка как неродного (иностранный, в национальной школе — Г. А. Золотова, Л. Ю. Максимов, И. П. Распопов, В. П. Сухотин, и др.). Однако эксплицитное выражение задача изучения синтаксической синонимии как одного из направлений работы по развитию речи получила в отечественной школе только в программах по русскому языку на 1972/1973 г. О соотношении позиций М.М.Б. и Пешковского см. прим. 12.

11. Слово «чисто» перенесено из черновой бахтинской рукописи; в «писарской» рукописи стоит «часто».

12. Важный для М.М.Б. вопрос, касающийся вариативности грамматических форм («для чего ученику уметь производить замену, если он не понимает цели такой замены») действительно не имеет большого значения в системе повлиявшего на общую точку зрения в этом вопросе Пешковского, для которого важнее констатировать и классифицировать синонимические обороты и потому возможно ограничиться «называнием грамматических отличий одного от другого при помощи обычных терминов», поскольку «даже и такое констатирование все-таки лингвистически и стилистически развивает учащегося» (*Пешковский А. М. Вопросы методики...*, с. 60).

13. Так в «писарской» рукописи, в бахтинском варианте неразборчиво, но скорее — «самим разбраться».

14. См. прим. 15.

15. Бахтинский анализ этого примера («Новость, которую я сегодня услышал, меня очень заинтересовала») выполняет в статье роль общесинтаксической экспозиции (см. прим. 18) к дальнейшим анализам трех разных вариантов уже частной синтаксической конструкции — бессоюзного сложного предложения. Не используя своей обычной терминологии, М.М.Б. тем не менее фактически зафиксировал здесь *универсальность* диалогических отношений для любого и каждого типа высказывания или предложения*.

* О несущественном в данной методической статье, но принципиальном в теоретическом плане бахтинском разведении предложения и высказывания см. *РЖ*; в этом отношении следует также иметь в виду, что, анализируя в дальнейшем отдельные предложения, М.М.Б. тем не менее частично (см. ниже) учитывает при этом реальный контекст тех художественных произведений, из которых эти предложения были взяты, то есть фактически анализирует эти предложения как целые высказывания или как элементы определенного, известного ученикам высказывания, что, согласно бахтинскому пониманию (см. прим. 94 к *ПМ*), является, с одной стороны, оправданным, но, с другой стороны, ограниченным методологическим приемом: ср. также специально выделен-

Причисление диалогических отношений к базовым синтаксическим универсалиям — центральный стержень всей бахтинской философии языка в целом. Любое, даже самое «нейтральное» или абстрактно отрешенное от диалога речевое выступление неизбежно, по М.М.Б., содержит в себе эти отношения, так как диалогическими моментами всегда осложнено уже само конципирование словом своего предмета (СВР, 90). Насыщенность высказываний этими отношениями, их удельный вес и степень влияния на смысловую сторону речи могут быть самыми разными (могут быть они и максимально редуцированы, почти полностью приглушены, но достижение «нулевого предела» здесь все же невозможно). В бахтинских работах обычно анализируются лишь усложненные «вторичные» формы диалогических отношений (разнообразные способы отражения преднамеренной, предвосхищенной или подразумеваемой чужой речи, связанные с отношением говорящего и его высказывания к чужим точкам зрения), собственно же языковой, «первично-синтаксический», аспект затрагивался М.М.Б. редко, однако — подразумевался всегда (особенно отчетливо теоретическая сторона этой проблемы освещена в МФЯ при анализе внутренней речи). В конечном счете все те усложненные формы диалогических отношений, которыми М.М.Б. вплотную занимался в СВР, ПУД и других работах, изначально «фундированы» на этом базовом типе диализма (конципировании словом своего предмета), так или иначе влияющем и на само субъектно-предикатное строение фразы, и на осуществляемую, даже в рамках одного предложения, смену акцентированных «предметных» ориентиров (как бы «фокусов внимания»), и на освещение взаимоотношений этих ориентиров, и на изменение их состава, в том числе чисто количественного, и т. д. В проанализированном здесь примере универсальный аспект проблемы выражен М.М.Б. через сопоставление «простого» количества «героев» (или предметов): *двух* в исходном предложении и *одного* в трансформированном, а затем — через объяснение происходящих при этой синтаксической трансформации изменений в смысле фразы. (Более подробно о специфическом бахтинском понимании этой базовой диалогической универсалии языка, обозначенной как «фокус внимания предложения» и сопоставленной с другими, усложненно-вторичными формами диалогических отношений по М.М.Б., см. *Гоготшивили Л. А. Философия языка М. М. Бахтина и проблема ценностного релятивизма*. — М. М. Бахтин как философ. М., 1992, с. 142-174.)

Характерной в этом отношении особенностью настоящей статьи является нигде более не встречавшееся в столь настойчивой форме акцентирование внимания на *количестве* «фокусов внимания» в предложении и на синтаксических приемах изменения этого показателя, то есть М.М.Б. касается здесь, хотя, конечно, под своим особым, диалогическим, углом зрения, тех обычно избегаемых им проблем, которые являются традиционным предметом изучения в системно-синтаксических исследованиях (в частности, проблемы субъекта и предиката, которая напрямую связана с анализом фокуса внимания предложения и его «глагольности», но которая сознательно игнорировалась М.М.Б. в других случаях — см., напр., прим. I к ПМ: хотя, судя по пометам в сохранившейся в архиве научной литературе, сама эта тема вызывала постоянный интерес М.М.Б.). Обычный отказ М.М.Б. от рассмотрения такого рода проблем объясняется, видимо, его принципиальным несогласием с преобладавшими лингвистическими

подходами к этим темам, то есть подходами, которые, с бахтинской точки зрения, основаны в своем большинстве на так или иначе понимаемой категории «система языка» (о сложном отношении М.М.Б. к этой влиятельной лингвистической категории см. прим. 24 к Д-1). Базовые лингвистические универсалии, предполагавшиеся М.М.Б., не могли быть адекватно проинтерпретированы в рамках «системного» подхода, стремление же проговорить тем не менее свою «диалогическую» точку зрения на фоне чужеродных типов лингвистического мышления вело к тому, что М.М.Б. предпочитал иллюстрировать специфику предлагаемого им метода на более «открытых» лингвистических проблемах — в области стилистики, жанрового расслоения языка, способов передачи чужой речи и др. Все такого рода проблемы часто толковались в лингвистике того времени как не собственно лингвистические, а как вторичные или «прикладные» (см. прим. 38, 46 к работе «Язык в художественной литературе»). Сам М.М.Б. называл их «пограничными». В область лингвистических универсалий, в самое «сердце» системной лингвистики и — одновременно — философии языка, отсюда вели лишь подразумеваемые М.М.Б. смысловые нити, которые нередко еще более маскировались в результате часто используемого М.М.Б. приема условного принятия чужеродных исходных постулатов (об условном принятии категории «система языка» в РЖ см. прим. 12 к Д-1). Такая особая текстологическая и терминологическая судьба этой темы требует для адекватной реконструкции бахтинского понимания базовых лингвистических универсалий отдельных специальных исследований. На сегодняшний момент все сказанное по этому поводу может иметь лишь гипотетическое значение.

Неожиданное появление одного из аспектов этой обычно не эксплицируемой темы в рамках настоящей максимально «облегченной» работы объясняется, видимо, внутренними целями самой статьи: необходимо было подготовить фон для адекватного восприятия последующих ниже анализов бессознательных сложных предложений. Так, если, анализируя первый «базовый» пример, М.М.Б. не расставляет никаких иерархических ценностных акцентов, рассматривая и исходное предложение, и все его модификации, включая и последнюю — «однофокусную», как равноправные способы, используемые говорящим, чтобы подчеркнуть то, то другой момент своего замысла (то есть М.М.Б. как бы настраивает здесь над базовой универсалией второй диалогический этаж — ориентацию на слушающего, см. упоминание об этой стороне дела во фрагменте статьи, отмеченном в прим. 14), то при анализе бессознательных сложных предложений ситуация изменится: те синтаксические трансформации, которые достигают — в пределе — «однофокусности», будут оцениваться М.М.Б. в несколько негативном плане как сухой и холодный логизм, противопоставленный живому смыслу многофокусных предложений (см. прим. 25, 30, 32). «Холодный» логизм является в контексте настоящей статьи функциональным синонимом к бахтинскому понятию «монологизма», который — в созданных здесь риторических координатах — может быть охарактеризован как предельная однофокусность (однокругозорность) предложения, то есть как сведение нескольких «героев», каждый из которых в принципе может нести с собой и свой «голос», к одному «герою» (фокусу внимания), а следовательно, и к одному голосу. Именно это (обеспечиваемое акцентированием внимания на наличии в предложении одного или нескольких «героев» наглядное объяснение причин появления в предложении двух или нескольких голосов) и было здесь, видимо, нужно М.М.Б. Именно поэтому этими «героями», которых в бессознательном сложном предложении *всегда больше одного*, и устанавливаются акцентированные М.М.Б. ниже в статье драматические (resp. диалогические) отношения разно-

ное критическое бахтинское указание на то, что в виноградовской статье о неполных предложениях все примеры взяты — без каких-либо ограничительных методологических оговорок — из художественных произведений («Язык в художественной литературе», с. 292).

го рода. Те же синтаксические трансформации бессоюзных сложных предложений, которые в пределе стремятся к однофокусности, будут в дальнейшем оцениваться М.М.Б. как усиливающие монологизм (логическую «холодность») высказывания.

Следует, однако, иметь в виду, что последнее обстоятельство не имеет в лингвистической концепции М.М.Б. общего значения: диалогически разноголосыми могут быть, по М.М.Б., за счет контекста всего высказывания и формально однофокусные конструкции (см., напр., бахтинскую оценку формально «однофокусных» пушкинских строк из «Онегина»: «Все это часто придает / большую прелесть разговору» как усиливающих пародийно-иронический акцент в предшествующей сентенции, то есть как двуголосых, в *СВР*, 136). Дело в том, что, сконцентрировав внимание в методических целях на наглядном объяснении возможных источников разных голосов в одном предложении (на наличии нескольких «героев»), М.М.Б. отвлекается в настоящей статье от всех других более сложных форм диалогичности, источник которых лежит вне собственно языковой семантики использованных в предложении языковых единиц (в окружающем контексте, в преднамеренной и предвосхищенной речи, в установке на «хотя бы мое мнение» и т. д.). При дальнейшем анализе бессоюзных сложных предложений М.М.Б. также будет опираться на контекст того произведения, из которого были взяты эти примеры, однако роль контекста будет при этом полностью исчерпываться только тем, что с его помощью учителю удобно точнее объяснить ученикам происходящие при синтаксических трансформациях смысловые изменения. Данная статья отнюдь не ориентирована на язык художественной литературы, не он является здесь самоцелью: в конце статьи М.М.Б. выходит на положение, что обладающие диалогической потенцией бессоюзные сложные предложения — весьма частое явление в обычной разговорной и письменной речи. Характерным дополнением к этому обстоятельству является выдвинутый в самом начале статьи тезис о том, что язык — это не только средство сообщения, но и средство изображения (см. прим. 9). Как бы в противовес этому положению в работах, специально посвященных языку художественных произведений, говорится, что язык в литературе — не только *средство* изображения, но *предмет* изображения (причем эта отсутствующая в данной статье трехмерность языка вводится М.М.Б. не только в *СВР*, но и в аналогично облегченной по стилю и терминологии работе «Язык в художественной литературе»). Понятие языка как средства показа, а не только рассказа помогает перекинуть чисто методический мостик от предмета речи («героя») к возможности услышать в предложении отраженную речь самого этого героя: заговорить сам может только показанный (изображенный), а не просто информативно описанный «герой».

Хотя в своих общих очертаниях произведенный М.М.Б. анализ первого «базового» предложения и имеет очевидные параллели с различными известными в лингвистике аналитическими методами (например — с методикой актуального членения; проблему приоритета здесь нет смысла ставить), в бахтинском анализе имеется вместе с тем и дополнительный — диалогический — аспект, чаще всего либо ускользающий от других известных аналитических методов, либо просто игнорируемый в них сознательно. В большинстве случаев даже те лингвистические методы анализа, которые прямо ставят в центр внимания проблему диалога, учитывают лишь отношение говорящего к слушающему в том его понимании, которое было зафиксировано уже в традиционной риторике. Различия между этими методами и концепцией М.М.Б. принципиальны, так как они диктуются различиями в толковании тех фундаментальных постулатов, которые мыслятся лежащими в основе лингвистики. Специфика бахтинского по-

нимания фундаментальных постулатов в этой области до сих пор отчетливо не осознаваема, что, в частности, нередко ведет в бахтинистике к смешению типов анализа, встречающемуся, когда монологическая, с бахтинской точки зрения, методика оценивается при ее применении как диалогическая, сопровождается при этом постоянными и уже стандартными в сегодня ссылками на М.М.Б.

16. Подобные рекомендации избегать частого повторения союзов имеются и в названной выше М.М.Б. книге В. И. Чернышева «Правильность и чистота русской речи» (ук. соч., с. 639). Аналогичный пример частого повторения слова «который» и критический анализ реакции учителей на эту ошибку рассматривается в статье Пешковского «Роль грамматики при обучении стилю» (Вопросы методики..., с. 130), однако при этом у Пешковского в качестве единственного правильного способа работы над ошибкой предлагается следующий: «сказать: *сократи* одно из придаточных (или оба) посредством причастия» (там же).

17. Так в «писаревской» рукописи, в бахтинской рукописи возможно прочтение «руководствоваться».

18. Здесь расширяется данная выше более осторожная формулировка: необходимость диалогического подхода (в терминах данного фрагмента статьи — «стилистического освещения») относится теперь уже не только к отдельным синтаксическим формам (см. фрагмент, отмеченный в прим. 15), но — ко всему синтаксису сложного предложения: а так как из бахтинского анализа следует, что без обращения к простому предложению диалогическое изучение сложных предложений невозможно (см. последнюю синтаксическую трансформацию только что проанализированного предложения, которая является простым предложением), то сфера действия диалогического подхода «возмаливо» расширяется здесь М.М.Б. до всего синтаксиса в целом, то есть диалогическому подходу придается универсально-языковой статус. (См. также прим. 19).

19. В черновой (бахтинской) рукописи статьи имеется более подробный перечень вопросов синтаксиса, требующих обязательной, по мнению М.М.Б., стилистической интерпретации: «Подобное стилистическое освещение совершенно обязательно при изучении всех остальных обособленных оборотов (и соответствующих замен), при объяснении вопроса о месте придаточного предложения (перед главным, после или внутри), при изучении сложных предложений с несколькими придаточными (стилистическое значение форм соподчинения и последовательного подчинения) и в ряде других случаев».

20. О вероятной причине выбора М.М.Б. именно бессоюзных сложных предложений в качестве объекта стилистического анализа в данной статье см. общую прамбулу. Из упомянутых трудов Потебни, Шахматова, Пешковского, скорее всего, имеются в виду следующие: Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, IV. М.-Л., 1941, с. 110-116; 2 изд.: М., 1977, с. 132-140; Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941; Пешковский А. М. Вопросы методики родного языка, лингвистики, стилистики. М.-Л., 1930, с. 95-108, 133-161, 154-158; Русский синтаксис в научном освещении. М., 1914 (1 изд.), М., 1956 (7 изд.). С формальной точки зрения ближе всего к бахтинскому пониманию природы бессоюзного сложного предложения находится трактовка не упомянутого здесь В. В. Виноградова, рассматривавшего проблемы бессоюзного соединения предложений в связи с анализом стилистических функций форм глагольного времени

(Виноградов В. В. Стиль «Никовой дамы». Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980, с. 232-233). Однако в содержательном отношении интерпретация Виноградовым бессоюзных предложений (в полном соответствии с «монологическим» характером его общей языковой концепции — см. прим. 3 к Д-II) противоположна бахтинской: Виноградов видит в бессоюзных конструкциях не диалогическое взаимодействие двух «голосов», а «субъектные перемещения сфер повествования» в рамках единого монологического сознания, то есть чередование разных планов одного и того же (авторского) сознания.

Следует иметь в виду, что используемый М.М.Б. в данной статье термин «бессоюзное сложноподчиненное предложение» в настоящее время вышел из употребления. В свое время этот термин сохранялся в школьной практике в соответствии с преобладающей трактовкой бессоюзия как разновидности сложносочиненных и сложноподчиненных предложений с опущенными сочинительными и подчинительными союзами (А. А. Потебня, А. М. Пешковский, А. А. Шахматов, Л. В. Щерба). С 50-х годов получил распространение взгляд на бессоюзное предложение как на самостоятельный структурно-семантический тип сложного предложения (Н. С. Поспелов, В. В. Виноградов), что повлекло за собой отказ от деления бессоюзных сложных предложений на сложносочиненные и сложноподчиненные (см. Поспелов Н. С. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений. — Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950, с. 338-354). В школьном преподавании эта смена ориентации в изучении бессоюзных предложений и соответствующая замена терминов была зафиксирована в Программах по русскому языку и литературе на 1954/1955 г., то есть позже написания М.М.Б. данной статьи.

21. Далее в бахтинской рукописи следует новый раздел, отмеченный римской цифрой II; в «писарском» варианте граница между разделами обозначена более широким пробелом.

22. В соответствующем месте черновой рукописи имеется следующее добавление: «Вообще характерно крайне редкое употребление двоеточия и тире в письменной речи учащихся. Они употребляют их почти исключительно только в простом предложении с однородными членами и обобщающим словом (тире еще и при пропуске связи). Учащиеся не умеют пользоваться сложными конструкциями, где нужны <?> эти знаки».

23. М.М.Б. приводит примеры из: первый — Пушкин А. С. «19 октября»; второй — Пушкин А. С. «Евгений Онегин» (гл. V, XVIII); третий — Гоголь Н. В. «Мертвые души» (Т. I, гл. XI).

Первоначально, как это видно из черновика, М.М.Б. планировал положить в основу статьи анализ большего количества предложений: 1) *Печален я: со мною друга нет*; 2) *Он засмеется — все захохот, Он бровь нахмурит — все молчат*; 3) *Проснулся — пять станций убежало назад*; 4) *Я очень устаю: слишком много у меня работы*. Однако уже в процессе написания чернового варианта первоначальный план претерпел изменения: для характеристики типов бессоюзных конструкций оставлены первые три примера, относящиеся к художественной литературе (изъято лишь второе предложение второй рубрики), а четвертый пример, перечеркнутый в черновике волнистой линией, в слегка измененном виде перенесен во втором варианте в другую часть статьи для иллюстрации роли бессоюзных предложений в обиходной речи (см. с. 153). О знаке препинания в третьем предложении см. прим. 31.

24. Ср. аналогичное резко критическое замечание в адрес Пешковского по поводу его «эксперимента» по «механической», «без соответствующей стилистической переработки», замене прямой речи косвенной. Такого рода эксперименты оцениваются как «только педагогически скверный и недопустимый метод классных упражнений по грамматике, не имеющий ничего общего с «живой жизнью шаблонов в языке» (МФЯ, 124).

25. Необходимо иметь в виду, что, давая здесь такую «негативную» характеристику подчинительным союзам, М.М.Б. следует доминантной цели настоящей статьи, сознательно сужая область диалогических отношений (см. прим. 15). В «несуженном» же контексте бахтинской лингвистической концепции подчинительные союзы получают иную характеристику: за ними признается (отрицаясь здесь) способность отражать двугласное строение включающих их в себя предложений (см., в частности, бахтинское описание одной из разновидностей «скрытой чужой речи» — «псевдообъективной мотивировки», которая основывается именно на диалогическом использовании подчинительных союзов и союзных слов, в СВР, 118).

26. В рамках избранной узкой методической темы и, соответственно, в оправе используемой здесь условной (получужой) терминологии («эмоциональная драматичность» вместо «диалогических отношений», «холодная логика» вместо монологизма и др.) бахтинский анализ данного примера (*Печален я: со мною друга нет*) абсолютно самодостаточен. Однако если рассматривать этот анализ в контексте лингвистической концепции М.М.Б. в целом, следует, видимо, обозначить смысловую особенность подразумеваемых здесь М.М.Б. диалогических процессов. Так, хотя трансформированные синтаксические конструкции, представляющие собой сложноподчиненные предложения с придаточными причинами (*Я печален, так как (потому что) со мною нет друга*), также несут в себе, согласно общей концепции М.М.Б., безусловные диалогические нюансы, связанные с ориентацией большей части предложений этого структурного типа на апперцептивный фон слушающего (подробнее о бахтинском понимании диалогических отношений, связанных с апперцептивным фоном адресата и обозначенных как «смена точек зрения», см. Гоголивили Л. А. Философия языка М. М. Бахтина..., выше цит., с. 153-158), в данной статье М.М.Б. фиксирует внимание на обратном обстоятельстве: на том, что эти трансформированные конструкции до минимума ослабляют насыщенный диалогизм исходного предложения, приближая его к монологическому высказыванию (к обнаженной, выдвинутой на первый план и холодной «логичности»). Это не «противоречие», но — многократно использовавшийся М.М.Б. для объяснения универсальной природы диалогических отношений на чужом для него языке сопротивлявшейся такому нововведению отечественной лингвистики логико-риторический прием «доказательства от обратного»: редуцироваться может только то, что существует.

Отмеченная в прим. 15 смысловая особенность настоящей статьи (иллюстрация диалогических отношений в предложении через фиксацию в нем нескольких фокусов внимания или «героев») выразилась здесь в том, что отчетливое двухфокусное строение исходной пушкинской фразы, соответствующее двум частям этого сложного предложения, сменяется в трансформированных конструкциях на свою редуцированную («почти» однофокусную) форму. В трансформированной конструкции (*Я печален, так как со мною нет друга*) один из формально имеющихся здесь двух фокусов (кругозоров) выражен мощнее, а именно — кругозор «я». «Друг» же фактически теряет здесь статус самостоятельного «героя»: даже сама предикативная часть при-

даточного предложения («нет») в смысловом плане относится (то есть предидируется) здесь не столько к «другу», сколько ко «дне»: важно не то, что «нет друга», а то, что друга нет «со мною» (мы отвлечемся здесь от тонкостей имеющих в лингвистике логико-грамматических толкований различных типов предикативности). Снижение же смысловой роли второго «героя» (друга), а значит и ослабление его потенциального голоса, ведет в свою очередь к снижению драматичности (диалогичности) предложения.

Особо, видимо, следует оговорить и проблему интонации. В работах волошинского цикла переход интонации на «немой регистр» связывался с усилением диалогичности (так как невозможно адекватно и без потерь проинтонировать вслух внутреннее интерферентное слияние нескольких голосов в формально единой языковой конструкции). В данной же статье, напротив, говорится об интонировании как о самом удобном способе выявления драматизма (диалогичности) фразы. Противоречия, однако, и здесь нет: помимо очевидных преимуществ использования интонации (и жестов) для объяснения сути дела ученикам седьмого класса, нужно иметь в виду и отмеченную выше смысловую особенность настоящей статьи: то, что М.М.Б. полностью отвлечается здесь от тех диалогических отношений, которые привносятся в высказывание *извне* (см. прим. 15), а именно такие, «привнесенные», виды диалогических отношений труднее всего поддаются интонированию. М.М.Б. ведет здесь анализ фактически вне пушкинского контекста; он фиксирует внимание исключительно на диалогических потенциях самой исследуемой синтаксической конструкции, отсюда — все приходящее *извне*, в том числе и от контекста, диалогические моменты, которые сразу же проступили бы на поверхность, если бы целью настоящего анализа было стихотворение в целом (как это и происходит в других бахтинских работах), в данном случае безболезненно отсекаются.

27. Во вложенных в черновую бахтинскую рукопись отдельных листках содержится следующее сравнение 1 и 2 предложений с точки зрения различий в их интонационной структуре: «*Эмоциональная выразительность вследствие понижения голоса на я (печален я). В «Он засмеется» напротив имеет место повышение, придающее энергию и динамичность.*» Сопоставительный анализ интонационных рисунков всех трех примеров и их семантическая интерпретация не нашли отражения в тексте самой статьи.

28. В черновом варианте это предложение выглядит следующим образом: «*Событие речи драматически воспроизводит, таким образом, то реальное событие, о котором эта речь рассказывает.*»

29. О принципиальном отличии простого сообщения о событии и показа-изображения события, то есть представления его в виде художественного образа, в связи с бахтинской категорией хронотопа см. Хрон., 399.

30. В черновой рукописи фраза имеет продолжение: «(как и в первом примере, мы утрачиваем эмоциональность)».

Бахтинский анализ второго примера бессоюзного сложного предложения («Он засмеется — все хохочут») с наибольшей прозрачностью иллюстрирует осевую смысловую доминанту данной статьи: универсальность связи между «предметным» (тематическим) и «голосовым» (диалогическим) расчленением предложений. Первый пример («Печален я: со мною друга нет») это как бы упрощенная иллюстрация этого положения, так как источником возможного второго «голоса» в высказывании здесь является не непосредственный

«герой» (тема) предложения, а слушающий (такое «узкое» толкование диалогичности не только убедительно и понятно для учеников, но и закреплено в традиционно ориентированных направлениях отечественной лингвистики). Анализируемый ниже третий пример («*Прогудел — пять станций убеждало назад*»), напротив, является усложненной иллюстрацией смысловой доминанты статьи (М.М.Б. фиксирует там процесс превращения второстепенных тематических элементов фразы в самостоятельные «фокусы внимания», почти в «героев», то есть интерпретирует факт превращения однофокусного предложения в двухфокусное как формальное условие усиления диалогичности — см. прим. 15). В анализе же данного — второго — примера все подразумеваемые в статье теоретические акценты обнажены почти до физической наглядности: именно здесь становится до конца ясным противопоставление изображения (показа) и простого рассказа; оба «героя» исходного предложения («он» и «все») здесь не только персонализированы (в третьем примере второй «герой» — неодушевленная вещь), но прямо являются субъектами действия (в первом примере второй «герой» — «друг» — не активный, но пассивный субъект действия, почти трансформированный в объект); более того: изображенные здесь действия обоих «героев» почти вплотную приближены к прямому словесному действию, что выражено в так называемых речемыслительных глаголах («смеяться», «хохотать»); причем эти речевые действия «героев» не изолированы, а драматически, то есть диалогически, сопряжены (не случайно М.М.Б. использует при описании отношения второго простого предложения к первому глагол «откликается»). Фиксируемая здесь М.М.Б. динамическая драматичность является, таким образом, отдаленным и облегченным предвестником полифонии: в анализируемом примере диалогические отношения устанавливаются между двумя самостоятельными и «чужими» для автора «голосами». До «настоящей» полифонии остается только один, но принципиальный шаг: «герой» должен не только быть изображенным как субъект речемыслительного действия, но должен непосредственно заговорить сам, получив право на свой особый источник смысла в выстраиваемой автором общей смысловой позиции высказывания. (В указанной выше пробной классификации типов диалогических отношений по М.М.Б. представленные во втором примере отношения между редуцированными голосами «героев» могут быть отнесены к разновидности «смен речевых центров» — см. Гоготшивили Л. А., ук. соч., с. 149-153).

В бахтинском анализе данного примера также отразилась отмеченная в прим. 15 специфическая идея настоящего текста о наличии взаимозависимости между количеством «героев» и характером (монологическим или диалогическим) предложения. В признанной в статье за наиболее удачную трансформацию синтаксической конструкции («*Достаточно ему засмеяться, как все начинают угодуливо хохотать*») первый «герой» исходного предложения («он») фактически редуцируется до некоего объектного условия, при котором осуществляются действия второго «героя» («все»), превратившегося тем самым в центральный фокус предложения в целом (синтаксически это достигается, в частности, переводом первого «героя» в косвенный падеж — «ему»). Таким образом, и здесь, согласно ведущей идее статьи, сведение двухфокусной конструкции к однофокусной «логизирует» предложение, то есть усиливает его монологическое звучание. Следует специально отметить, видимо, и то, что М.М.Б. забегает в данной статье давать формально-грамматические названия тем типам связей, которые предполагаются между простыми предложениями в исходных формах анализируемых бессоюзных сложных предложений: разбирая второй пример, М.М.Б. лишь упоминает, что имеющийся здесь логический тип связи иной, чем в первом при-

мере, однако и при анализе первого примера «причинил» зависимость, связывающая простое предложение, также не названа М.М.Б. Первые варианты трансформации второго примера, которые были затем отклонены («Когда он засмеется, то все захохочет и др»), выдвигали на поверхность как бы «временные» соотношения между простыми предложениями, которые, конечно, никак не соответствовали смыслу исходной фразы и которые так и не были прямо названы или даже как-либо косвенно обозначены М.М.Б. Игнорировал все такого рода формально-грамматические определения типов логической связи, М.М.Б. ведет учеников (и читателей) к принципиальному для него выводу о том, что никакой тип логических отношений в принципе не может передать всего смыслового состава исходных диалогических отношений. Этот вывод усилен здесь положением о том, что исходные диалогические отношения не могут быть переданы и посредством сколь угодно развернутого лексического обогащения трансформированных конструкций. В своей теоретической перспективе совмещение этих положений ведет к ядру бахтинской лингвистической концепции — к теории непрямого говорения.

31. В «писарской» рукописи и, соответственно, в настоящей публикации в этом примере стоит другой знак — двоеточие. Двоеточие стоит и во всех современных изданиях «Мертвых душ» Гоголя (в том числе и в изданиях 30-х годов). Однако в черновых записях в статье самого М.М.Б., в том числе и в сохранившемся плане открытого урока по русскому языку (см. преамбулу), в этом предложении стоит тире. Если несоответствие между предполагавшимся М.М.Б. знаком препинания и написанием примера в «писарской» рукописи можно объяснить случайной ошибкой «писца» и тем, что М.М.Б. сам не учитывал этой рукописи, то причина несоответствия пунктуации самого М.М.Б. принятому в то время знаку в официальных изданиях Гоголя кроется, возможно, в том, что, как показывает пунктуационная практика, тире и двоеточие — во многом «авторские» знаки, то есть знаки без жесткого регламента употребления. М.М.Б. мог приводить этот пример «по памяти», отсюда — и авторская пунктуация. (Интересно, что в современном русском языке отмечается тенденция к расширению употребления тире — см. Шапиро А. Б. Современный русский язык. Пунктуация. М., 1974). Если постановка в данном предложении двоеточия более соответствует тяготению к жесткому регламенту школьным правилам пунктуации, которые, основываясь на логико-синтаксическом анализе, выявляющем между частями такого рода предложений временные и изъяснительные отношения, предписывают для их обозначения именно этот знак (М.М.Б. же вообще избегает в данной статье каких-либо названий для типов логической связи между простыми предложениями — см. прим. 30), то постановка М.М.Б. тире может иметь диалогическую мотивировку: тире как бы «отодвигает» вторую часть предложения от первой, создает между фокусами внимания («героями») «незамещенное» пространство, зрительно соответствующее паузе, то есть ту дистанцию, которая необходима для установления между «героями» диалогических отношений (подробнее см. прим. 32).

Интересно, что в дореволюционных изданиях сочинений Н. В. Гоголя (см., напр., Н. В. Гоголь. Сочинения Н. В. Гоголя. Изд. 15. СПб., 1900. Т. 5, с. 222) в разбираемой здесь гоголевской фразе тоже — как и у М.М.Б. — стоит тире.

32. Хотя в контексте обычных стилистических анализов, основанных на традиционном понимании тропов, третье предложение («Просидел — пять станций убежало назад») представляется самым простым и наглядным примером (именно так оно как бы оце-

нивается и в самой статье), однако, с точки зрения специфики бахтинской диалогической стилистики, данное предложение, напротив, должно быть отнесено к лануализованным усложненным случаям. Это обстоятельство связано с тем, что М.М.Б. здесь в очередной раз выходит — конечно, не претворяя это сколь бы то ни было открыто — к проблеме базовых лингвистических универсалий (см. прим. 15). В данном случае М.М.Б. как бы мимоходом проблематизирует лежащую в сердцеvine осариваемого им типа лингвистического мышления традиционную теорию тропов (в частности, метафор). Если вскрыть диалогический подтекст бахтинского анализа этого примера, то окажется, что в гоголевской фразе метафора выполняет отнюдь не ту роль, которая мыслится за ней в традиционной теории тропов, но особую синтаксическую функцию, имеющую самое прямое отношение к диалогизму, а именно: гоголевская метафора эксплицирует в «однофокусном» событии его диалогические («двухфокусные») потенции. В целях сугубо логического удобства пояснения этого положения целесообразней интерпретировать бахтинский анализ в обратной перспективе: не от исходного — к трансформированному предложению, а от трансформации — к исходному примеру. Как и во всех предыдущих случаях, в трансформации, признанной наиболее удачной («Когда я просидел, то оказалось, что я просидел уже пять станций»), в фокусе внимания находится один «герой» — «я», причем М.М.Б. целенаправленно ведет здесь рассуждение к тому, чтобы получить в конечном счете именно однофокусную трансформацию. Производится даже специальная — как бы иницированная учителем и одобренная учениками — последняя синтаксическая процедура: перевод словосочетания «пять станций» с синтаксического места подлежащего на место дополнения, что окончательно лишает это сочетание статуса самостоятельного «героя». В исходной же гоголевской фразе «героев» — два (скрытое здесь за глагольной формой «я» и «пять станций»), и именно эта двухфокусность и дает возможность драматического прочтения фразы, обеспечивает показ (изображение) события, а не просто рассказ о нем (как в трансформированной конструкции). Фактически М.М.Б. как бы раскрывает механизм осуществленной «мастером слова» (Гоголем) процедуры превращения однофокусного предложения в двухфокусное. Отсюда и как бы преувеличенная бахтинская оценка вполне обычного, можно сказать, «рядового» (с точки зрения традиционной теории тропов) гоголевского метафорического приема как «мелкого гоголевского жеста». М.М.Б. акцентирует этой оценкой внимание на том, что в составе живой, семантически богатой речи тропы — это не просто некий перенос значения по смежности, сходству, аналогии и пр., то есть не просто явление лексической семантики, а особый синтаксический прием, способный в том числе и к выполнению прямо диалогических функций: к превращению второстепенных элементов монодиалогической по синтаксической структуре фразы в самостоятельные фокусы внимания, в самостоятельных «героев», способных — в пределе — ввести в высказывание и свой «голос» (недаром М.М.Б. определяет использованный Гоголем «мелкий» прием как «почти о л и д е т в о р е н и е»). Появившийся в гоголевской фразе второй «герой» не может заговорить, он все еще «вещь», но уже такая «вещь», с которой второй «герой» фразы может вступить в хотя и ослабленные, но все же диалогические отношения (например, испытать по отношению к ней диалогическую эмоцию — ожидание сюрприза). Имеющаяся здесь в виду базовую лингвистическую универсалию можно сформулировать следующим образом: двухфокусность — это формальное синтаксическое условие для диалогических отношений. (Напомним, однако, что поле действия этой универсалии ограничено, так как речь в данной статье изначально идет не о всех типах диало-

гизма, но только о внутренне-синтаксическом, не связанном с «большим» контекстом и внешней ситуацией типа диалогических отношений, поскольку при учете последних факторов диалогическими отношениями могут, согласно М.М.Б., насчитаться и одноклаузные конструкции — см. прим. 15.)

В целом, эти, казалось бы, частные и тем более произведенные в семантически облегченной методической статье лингвистические анализы М.М.Б. парадоксальным образом оказываются источником дополнительных сведений для более адекватного восстановления одного из недостающих звеньев бахтинской философии языка в целом — для восстановления бахтинского понимания базовых универсальных форм диалогичности всего синтаксиса и, соответственно, языкового мышления. Так, в частности, хотя в составленной до первой публикации данной статьи пробной классификации типов диалогических отношений по М.М.Б. (см. *Гоголиевиди Л. А.*, ук. соч.) вскрытая здесь базовая лингвистическая закономерность и нашла некоторое отражение (за счет того, что и в других работах М.М.Б. этот аспект проблемы косвенно присутствует), однако она не была выделена в этой классификации в самостоятельный тип, будучи как бы распределена между «фокусом внимания» и другими видами диалогических отношений.

33. Ср. аналогичные выводы о вытеснении «эмоционально-аффективных», «колоритных», характеризующих индивидуальность говорящего элементов из конструкций с косвенной речью, отличающихся от конструкций с прямой речью (так же, как сложноподчиненные предложения в сравнении с бессоюзными) своим аналитическим, «предметно-логическим» характером, в *МФЯ*, 126-128. Замеченное здесь сближение двух разных видов образности *поэтической* (метафоры, гиперболы и пр.) и *двуголосой прозаической* (разговорные, просторечные, нелитературные элементы, используемые для создания «объектного», «колоритного», сказового слова), различению которых в других работах придается принципиальное значение (*СВР*, 90-92), производится М.М.Б. в данном случае в целях подчеркивания одинаково выполняемой ими функции разрушения «единства гладкого и чистого одноголосого языка» (*СВР*, 140), ослабления «монологического и усиления диалогического элемента речи» (*Д-Г*, 210).

34. *Гипотаксис* (греч. *hypó* — под, внизу, *taxis* — расположение) — то же, что подчинение, субординация, то есть синтаксическая связь, располагающая своей системой средств выражения для организации сложноподчиненного предложения. *Период* (греч. *períodos* — круг) по характеру синтаксической структуры представляет собой чаще всего значительно распространенное сложное предложение с однородно-подчиненными придаточными частями, отнесенными к одной или нескольким главным.

35. О тенденции к отмиранию книжных (монологических) и усилению разговорных (диалогических) форм речи и шире — о роли диалога в истории литературного языка см. *Д-Г*, 211. Ср. также упоминание в *МФЯ* III. Балли в связи с отмеченной им тенденцией к замене гипотаксиса паратаксисом (*МФЯ*, 142). Бахтинская позиция в этом вопросе принципиально отличается в области теоретических выводов, совпадая в частности, от виноградовской концепции становления русского литературного языка и прежде всего — в аксиологическом знаке, оценивающим значение в этом процессе разговорной речи: однозначно положительном у М.М.Б. и склоняющемся к отрицательному у Виноградова.

36. В черновой рукописи приводится состав этих союжных форм: «... перед соответствующими (принцип, времени и условиями) союзными формами...». О возможных причинах слияния этой фразы см. прим. 30.

37. В черновой рукописи предложение имеет продолжение: «(хотя это и нельзя было квалифицировать как стилистическую ошибку)».

38. В черновой бахтинской рукописи далее начинается следующий раздел, обозначенный римской цифрой III.

39. В черновой рукописи к этому предложению сверху приписано: «т. е. пересказом пересказа».

40. Во вложенных в черновую рукопись отдельных листках имеется не вошедший в текст статьи фрагмент: «В погоне за формальной (узко грамматической) правильностью забывают задачу воспитания речевой индивидуальности учащихся. Боятся речевой смелости своих питомцев, часто просто рекомендуют не отступать от речевых штампов, чтобы не наделать ошибок».

41. В черновой рукописи имеется добавление: «При повторении курса V и VI классов также следует наиболее трудные грамматические формы (виды глагола, причастия и деепричастия) осветить стилистически». То обстоятельство, что М.М.Б. вскользь говорит в данной статье (см. также с. 141) о стилистическом (а в его координатах это значит «диалогическом») освещении грамматических форм как о само собой разумеющейся задаче, косвенно свидетельствует, что М.М.Б. предполагал диалогический пересмотр не только синтаксических форм, но и всей грамматики в целом (см. преамбулу и прим. 15, 18, 32).

42. В третьей части статьи в упрощенно-методическом плане воспроизводится одна из центральных проблем *СВР* — проблема «идеологического становления человека» (см. *СВР*, 154-179).

43. В черновом варианте — «на другом языке». См. более развернутое и теоретически не редуцированное развитие этой темы в *СВР*.

44. В черновой рукописи другое окончание фразы: «...богатства и сложности становящейся действительности».

МНОГОЯЗЫЧИЕ, КАК ПРЕДПОСЫЛКА РАЗВИТИЯ РОМАННОГО СЛОВА

Публикуется впервые, по недатированному автографу, хранящемуся в *АБ*.

Текст записан на отдельном листе из ученической тетради в косую линейку. Лист заполнен плотно (поля отсутствуют), с обеих сторон (лицевая сторона листа целиком, оборот — приблизительно на 5/6), мелким, неразборчивым почерком, без исправлений и вторичных помет. Большая часть рукописи выполнена простым карандашом, последние два абзаца — черными чернилами, несколько расплывшимися на рыхлой, плохого качества, бумаге.